

LANA MEIJER

ПРОКЛЯТЫЙ.

Камелия

Лана Мейер
Проклятый-2: Камелия
Серия «Дворцовые интриги», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64476921

Аннотация

«Я слишком хорошо знаю что такое, когда у тебя есть все, включая здоровое и молодое тело. Но внутри меня нет. Моя душа была давно истлена и уничтожена в тюрьме для особо опасных преступников – в Адинбурге. Это место, где в тебе по капле убивают человечность, и за шесть лет пыток служителям ада удалось сотворить со мной это.

День, когда я почувствовал страх за девушку, которая была этого не достойна, стал для меня надеждой. Верой в то, что я смогу почувствовать хоть что-нибудь. Но мой цветок, что прикидывался этой надеждой, оказался отравой, ядом и еще одним проклятьем, которое я должен искоренить в себе раз и навсегда. Я больше не хочу быть человечным. На этот раз моя игра будет еще жестче, потому что я собираюсь разорвать Камелию в клочья, пока она не будет умолять меня о... смерти.» – Брэндан.

Первая и вторая часть неразрывно связаны между собой!

От автора: Если вы любите милые сказки о любви, вам не сюда. В этой книги все на грани. Все, или ничего. Как граница между

ненавистью и любовью, гордостью и страстью... и каждый раз героям приходится делать выбор, постоянно противостоять друг другу, но их отношения, несмотря на это, такие, какие они и есть – живые и настоящие. Ведь любовь, она не ЗА, а ВОПРЕКИ...

Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.

Содержание

Пролог	6
POV Брэндан. Flashback	6
Глава 1	25
POV Кенна	25
Глава 2	37
POV Брэндан	37
POV Кенна	45
Глава 3	52
POV Брэндан. Flashback	52
POV Кенна	57
POV Брэндан	66
Глава 4	72
POV Кенна	72
POV Брэндан	77
Глава 5	89
POV Камелия	89
POV Брэндан	93
Глава 6	101
POV Кенна	101
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Лана Мейер

Проклятый-2: Камелия

© 2021 Лана Мейер

* * *

Иногда достаточно одного взгляда, чтобы образовалась связь.

Кизнайвер / Связанные (Kiznaiver)

– А я думал, что король может делать все, что захочет... – Быть королем – это нечто большее...

Король Лев

Пролог

POV Брэндан. Flashback

– *Ты проиграл*, – высокомерно заявил Бастиан, восседая на коричневом скакуне – очередной подарок нашего отца, которого брат решил немедля объездить. Джонатан и меня баловал подобными подарками, но скакуны стоимостью в несколько тысяч фунтов мало меня интересовали. Моим любимцем всегда оставался Оникс – черный, от гривы до кончика хвоста, с еще более темными, чем его смолевая шерсть, глазами.

Мы двигались вперед, отдаляясь от ипподрома в сторону топей, за которыми начиналась лесная часть территории нашего замка. Не в моих правилах было проигрывать и уж тем более поддаваться, но в последнее время мои победы в состязаниях с братом не приводили ни к чему хорошему.

С Бастианом происходило что-то странное. Порой я видел в нем своего лучшего друга, брата, мою опору и того, на кого я всегда мог положиться. А порой – раздражительного ублюдка, который любой мой успех или слова воспринимал как неуместные упреки.

Но сегодня я ему поддался и специально не напрягал Оникса, который был очень недоволен своим результатом, и

в знак этого уже несколько минут бил меня хвостом по спине.

– Видимо, отец сделал тебе отличный подарок. А ты, я вижу, будешь еще долго праздновать свою первую за три месяца победу. – я не удержался и ответил ему с непринужденной колкостью. В ответ Бас только усмехнулся, спрыгнул с коня и отпустил его прочь, слуги тут же подхватили его и повели в конюшню.

– Спасибо, приятель. Отличная работа. – тихо прошептал я, наклонившись поближе к уху Оникса, так, чтобы Бастиан ничего не услышал. Затем я слез с него, одобрительно похлопав по упругой шее, и в последний раз заглянув в его черные глаза, отпустил к подоспевшим слугам.

– Что, опять возишься с этими... животными? – Продолжал подшучивать Бас, потрепав меня за волосы. Сначала мы шли вдоль опушки леса, но почти сразу углубились в темноту тополей – на территории сада было слишком много лишних ушей, а я знал, что Бас не любит, когда сплетни расходятся по замку со скоростью света.

В последнее время у него разыгралась настоящая паранойя: он частенько заставляет кого-нибудь из слуг пробовать его пищу или напитки, испытывая ее на яд. Да только рисковал он не своей жизнью, если еда и была отравлена, она бы не нанесла мне или Бастиану смертельный урон.

Издавна яд считался одним из самых легких способов отравить королевскую кровь, но, к счастью, с приходом но-

вых технологий и новейшей медицины эта проблема была решена.

Вакцина, вырабатывающая иммунитет против самых опасных ядов, была очень дорогой и доставлялась в Англию из Америки, тем не менее, королевская семья с легкостью могла себе ее позволить. Поэтому и я, и Меридиана с Бастианом еще в детстве испробовали эту вакцину на себе. Только такие сильные вещества, как яд тропического паука, или Черной кобры, могли привести к тяжелым последствиям.

Хоть Джонатан, отец, и уверял нас, что угроза кратковременна и не опасна, осознавать, что тебя пытались отравить, мягко говоря, неприятно. Только самый настоящий трус будет действовать таким способом. Джонатан заверил нас с Басом, что любой яд вызовет лишь замедление пульса и паралич всего тела на несколько часов, возможно, дней. Несмотря на это Бастиан продолжал время от времени заставлять слуг пробовать свою еду. При этом лицо у него было такое, будто он ожидал, что рано или поздно она окажется отравленной.

А вот кого-то из служащих такой яд мог запросто убить.

Паранойя Бастиана дошла до того, что он везде видел жучки и камеры слежения, ему вечно казалось, что против него затевают заговор, который мог бы унижить его в глазах народа, и опорочить идеальный образ будущего правителя. Это приводило меня в недоумение, но я молчал – в конце кон-

цов, меня это мало заботит. Я жду не дождусь того дня, когда переступлю порог Оксфордского университета.

Высшая математика. Закрытые клубы. Карты. Девушки. И никакого давления со стороны – время стать королем, к счастью, меня не коснется.

Конечно иногда я думал об этом. В глубине души я всегда знал, что я бы справился с правлением. Я мог бы сделать для страны больше, чем кто-либо другой, но я отгонял от себя эти мысли, особенно с тех самых пор, когда узнал о своем происхождении. Для парламента, для народа и даже для своего отца я навсегда останусь бастардом, пороком. Пятном на чистой голубой крови и напоминанием о грехах короля. Бастиан, каким бы твердолобым упрямым он ни был, навсегда останется единственным наследником, тем, кто по праву займет престол, и вступит в правление рука об руку с парламентом.

Хотя я мечтал поставить этих зажавшихся ублюдков на место, но знал – это не мое дело. Моя задача – учеба и военное дело в перерывах между нормальным человеческим общением с однокурсниками.

Обычная жизнь.

– Возишься ты со своими фаворитками, – я отмахнулся, по-дружески хлопнув его по плечу. – Пытаешься нагуляться перед предстоящей свадьбой?

Бас поморщился, передернув плечами, словно вспомнил о чем-то неприятном.

– О, да. Свадьба. Женюсь на девушке, которую я никогда не видел. Прекрасно! – Он демонстративно возвел глаза к небу, изображая отвращение. – Что только не сделаешь по приказу отца. Он готов отщипнуть любой кусочек новых земель, поэтому Шотландия скоро вновь станет частью Англии. А там и Ирландия прогнется. *А если не захочет – раздавлю.* Не зря же я буду терпеть эту... пампушку-принцессу.

– Это всего лишь брак, ты же знаешь. Ради земель, наследников. Ты не будешь лишен удовольствий, в которых и сейчас себе не отказываешь. Это твой долг. К тому же ты не похож на человека, который способен полюбить.

Я прикусил язык, как только произнес это слово. *Полюбить.* Мы с Бастианом во многом похожи: воспитанные в строгости и железной дисциплине, мы подвержены минутным страстям, но не настоящим чувствам. Отец позаботился о том, чтобы промыть нам мозги.

«Любовь – это слабость, которую король не может себе позволить.» – говорил он, со строгостью во взгляде. Но я знал, что он лжет. Я всегда замечал все, что для глаз других было сокрыто: движение рук, губ и даже зрачков, – несколько лет практики и врожденное шестое чувство сделали меня мастером своего дела. Хотя, нужно отдать должное «ведьме»-матери. Кэтрин говорила, что это в нее я такой проникательный. Ходили слухи, она занималась древней магией, проще говоря, бредом, пока не была изгнана из страны.

Я и сам не знал, что я чувствую к этой женщине – к

той, которую никогда не видел. К той, которая подарила мне жизнь. Я не знал другой матери, кроме Кэтрин, поэтому с трудом воспринимал информацию о том, что я – полукровка.

Бастард. Сын иллухи короля.

Я потряс головой, отгоняя дурные мысли прочь.

– Ты плохо меня знаешь брат. Я... способен на любовь, – Бастиан посмотрел на меня, прищурившись, слегка сжав ладонь на рукоятке своего клинка, заткнутого за пояс. Что-то в его глазах вдруг стало новым, глубоким. Они будто посветлели, а затем этот огонек тут же погас, когда он поправил себя. – Я люблю страну и свой народ.

– Так же, как и я, – кивнул, замечая перемену в его настроении. Мы приближались к одному из моих любимых мест – Белым скалам. На территории нашего замка есть только одна поляна, которая позволяет увидеть их – смертельный обрыв, который несет в себе всеильный страх и в то же время невероятную красоту, которой я мог любоваться часами.

Я часто сюда приходил, на эту поляну. Особенно мне нравилось бывать здесь, когда небо затянуто серыми непроглядными тучами, а ветер такой сильный, что волны внизу сходят с ума. Они без конца ударялись о белые скалы, обтачивая их годами. Веками. Они ошеломляли меня своей силой – природа каждый раз тыкала меня носом в то, насколько мы все незначительны.

Мы пытаемся быть на этой земле хозяевами, бесконечно играем в престолы... Но каждый раз, когда я смотрю на вол-

ны, которые за годы меняют рельеф Белых скал, я понимаю, как мы ошибаемся.

Однажды волна может подняться так высоко, что она за- просто сотрет Англию с лица земли. Европу. Всего одно столкновение тектонических плит по воле природы может опустить нас на дно океана, как жалких червей, которые не достойны спасения.

И эта сила пробуждала во мне желание что-то изменить в мире. Не у каждого человека есть такая возможность, но я – королевской крови. Я могу повести за собой людей. Я могу управлять ими, могу заставить целую нацию деградировать, а могу – повести другим путем. Я могу быть чем-то большим, чем просто человеком. Я могу быть голосом, могу быть образом, за которым хочется тянуться.

Но им должен быть Бастиан.

– Да, видел, что ты выкинул недавно. Навестил приют, наркологическую клинику. Все свои деньги отсылаешь... хм, куда там? В Африку? На спасение этих... тварей?

Я смерил его уничтожающим взглядом, стоя слишком близко к обрыву и прислушиваясь к звукам волн, бьющихся о скалы. Бастиан присел на серый камень, натачивая об него лезвие своего клинка с душераздирающим звуком.

– Они – не твари. Это исчезающий вид тигров. Их осталось меньше тысячи, – я сжал кулаки, пытаюсь скрыть свое раздражение.

– Я не имел в виду ничего плохого, Брэд. Божьи твари, –

парировал Бас, заметив мою злость во взгляде. – И все же, что бы ты не сделал, об этом говорят все. Маленький ангел. *Маленький сукин сын.* Идеальный принц с одним крошечным недостатком – он не настоящий принц, а лишь результат того, что наш отец когда-то кончил в одну из своих шлюх. Не так ли?

Мне показалось, что я ослышался. В карих глазах Бастиана разгорелся недобрый огонь – тот, что появился в них не так давно, но в последнее время, сметал все на своем пути. Бастиан никогда прежде не был таким. Да... он любил пошутить, искусно владел «черным юмором», но он никогда не опускался до оскорблений. Мы были братьями. Несмотря на нашу кровь. Но сегодня из его уст вылетели эти слова, и я будто прозрел – увидел, что Бастиан по-настоящему за что-то злится на меня. Почти ненавидит. Он одержим то ли ревностью, то ли завистью, словно болезнью. По крайней мере, это то, что я мог уловить, вглядываясь в недобрый огонь, окутывающий его зрачки.

– Что ты сказал? – чужим голосом произнес я, когда Бастиан встал с камня, крепче сжав поблескивающий клинок в своей ладони. Я повторил: – Что ты сказал? Что с тобой, Бас? С каких пор ты злишься из-за того, что я просто помогаю людям?

– Помогаешь, – сплюнул он, глядя на меня с прежним презрением. – Твоя помощь только мешает. Раздражает. Ты делаешь это специально – специально, чтобы люди видели, ка-

кой ты, сукин сын, хороший. *Святой Брэндан*. Который защитит, который поможет. Но это же не правда... ты просто пудришь всем мозги, чтобы они отвернулись от меня. Затеяли восстание. Чтобы они убили меня, как только я стану королем, и ты с печалью на глазах мог бы занять свое место. Загадочный маленький принц, который, *сука*, всем нравится, с тех самых пор, как он выкинул этот дешевый фокус в зоопарке...

Желчь кровавой рекой лилась из каждого слова, которое произносил мой брат. Нет... скорее сейчас это был не мой брат. А жалкий сгусток из оголенных нервов, ненависти и злобы. Паранойя Бастиана зашла слишком далеко, и все, что я хотел сделать, это помочь ему.

– Заткнись. – Я поднял руку, останавливая его речь жестом.

– А ты кто такой, чтобы затыкать меня, братец? Ты даже не брат мне! Ты – помеха. – Он тяжело дышал, поднимая клинок выше. Его грудь задрожала, но он изо всех сил пытался собраться с мыслями.

Я его не узнавал.

– Я никогда не делал что-то на показ. Я никогда не думал об этом. О том, что пишут. О том, что говорят, Бастиан. Или ты меня плохо знаешь? И я всегда знал, что власть принадлежит тебе и только тебе. Мне это не нужно. У меня... другие цели.

– Да? И какие же? Не верю. НЕ ВЕРЮ НИ ЕДИНОМУ

ТВОЕМУ СЛОВУ. Ты просто такой же хитрый, как и твоя мать. Настоящая мать, которая охмурила отца, пуская пыль ему в глаза. Это то, что ты всегда делаешь, пускаешь пыль людям в глаза. Моей матери, которая почему-то полюбила тебя. Больше, чем родного сына. Как тебе это удалось, ублюдок? КАК? – в его голосе были намешаны оттенки скорби, злости и чувства несправедливости.

Но он нес бред. Бастиан находился в неадекватном состоянии, будто в него вселился злой дух, который одержал победу над его телом и разумом. Кэтрин любила меня, но она никогда не обделяла любовью и заботой, ни его, ни Мэри, которая вообще являлась смыслом всей ее жизни. И люди... да, они писали и говорили обо мне, но это не значит, что они не видели в Бастиане своего будущего правителя.

– Бастиан, успокойся. Ты... не здоров, – я сделал глубокий вдох, смягчившись. Я не должен был отвечать ненавистью на ненависть – этот путь ведет в никуда. Сжав кулаки, я собрал всю свою силу воли, чтобы быть отстраненным и равнодушным.

Расправив плечи, я стал спиной к обрыву, расставив руки в стороны.

– Конечно, я не здоров. Я же не такой, как ты – идеальный, – он сплюнул в сторону, стремительно приближаясь ко мне с мерцающим клинком в руке. Я не испытывал страха. Я полностью и целиком владел своим разумом и телом, в отличие от Бастиана.

Ему нужна была моя помощь. Я не хотел терять брата, я не хотел, чтобы он сходил с ума.

Даже несмотря на то, что он движется на огромной скорости прямо на меня, и явно хочет меня убить, перерезав горло одним махом.

Его клинок оказался в непосредственной близости, но одним резким взмахом руки я выбил его из его ладони, и он тут же упал в траву. Сдерживая руки Бастиана, я посмотрел в его глаза, пытаюсь убедить.

– Брат, держи себя в руках. Что ты творишь? Хочешь убить меня? – я усмехнулся, понимая, что играю с огнем. – Ну давай развлечёмся. Как на тренировке по фехтованию. Ты же знаешь, кто всегда побеждает в наших состязаниях? Когда не поддается из жалости к тебе...

Эти слова сами слетели с моих губ, потому что я чувствовал, как его ярость переходит ко мне через кончики пальцев. Она заражает меня, будто Бастиан является источником страшного вируса, который передается через прикосновения.

– Да?! Ты ублюд...

– Давай, давай, это будет честный поединок, брат. Без клинка. Только ты и я, – только сейчас я понял, что я стою спиной к обрыву и он в любую секунду может столкнуть меня в пропасть. И меня смоеет волной, которой я так восхищался. – Выпусти пар, а потом я выбью из тебя всю дурь и отнесу в замок. Ты успокоишься, и мы поговорим, как ра-

зумные люди.

– Больше не будет спокойного разговора. Ты только что еще раз подтвердил мои опасения – ты во всем считаешь себя лучше. Ты помеха. Ты чертова помеха **ДЛЯ МОЕЙ ВЛАСТИ! ДЛЯ М-О-Е-Й ВЛАСТИ!** – он заорал, и его кулак слишком быстро соприкоснулся с моей челюстью. Понимая, что нахожусь в зоне риска, первое, что я сделал, это развернулся так, чтобы быть спиной к лесу. Это будет просто глупая драка. На эмоциях, на повышенных тонах. Я знал, что Бастиан одержим яростью, но он не способен на мое убийство... ведь не способен?

Ему просто не хватает сил, несмотря на то, что он старше, крупнее.

Я быстрее. Я хладнокровнее. Эмоции не управляют мной, а я управляю ими.

Я научился подавлять страх, еще тогда в десять лет, когда стоял в нескольких сантиметрах от разъярённого льва, который мог бы запросто разорвать маленького мальчика.

– Мне она не нужна, – твердо произнес я, когда он снова замахнулся. Но я успел перехватить его удар, и заломал его руку так, что он согнулся в три погибели, яростно зарывчав. Затем я с легкостью оттолкнул его, сделав шаг назад. Нагревшаяся кровь разрывала мне вены, но я из последних сил пытался сохранять трезвый и холодный рассудок – я не должен допускать этой драки между нами. Это может быть действительно опасно.

– Что? Отступаешь? – Бастиан посмотрел на меня дикими стеклянными глазами, которые в этот момент принадлежали не ему. – Трус! Ты – чертов трус, и не можешь сказать мне правду!

– Какую правду ты хочешь слышать?! Ты ведешь себя как гребанный эгоист и гонишься лишь за властью! За пресловутым статусом! За дебильной короной, от которой твоя голова будет отваливаться. Ты должен очнуться и понять, что не в этом твоя истинная цель. Не в этом заключается правление. Это чертова ответственность ЗА МИЛЛИОНЫ ЖИЗНЕЙ, ЯСНО ТЕБЕ?! – я больше не мог сдерживать себя, и пока наши с Басом руки вновь сцепились в равной схватке, я орал все эти слова, в его полное ярости лицо.

Мы сошлись в схватке, как два быка, пытающиеся проткнуть друг друга смертельно острыми рогами.

– Я это знаю, черт возьми! Не учи меня жизни, сосунок... – мой кулак болезненно покалывало, и я больше не мог держать себя в руках, наплевав на внутренний праведный голос, я ударил его по лицу, после услышав отвратительный хруст.

– Успокойся! – я схватил его за шею, пытаюсь найти точки, которые могли бы усыпить его в два счета. Но Бастиан не собирался проигрывать и не хотел драться по правилам: наплевав на все, чему нас учили, он ударил меня коленом в пах, на несколько секунд выводя меня из строя.

Или минут. Низ живота свело от невыносимой острой бо-

ли, ноги мгновенно перестали меня слушаться. Боль была адской, сокрушительной – мне казалось, что от этой боли, я даже потерял слух и зрение. Перед глазами все поплыло, и в следующую секунду, я уже был опрокинут затылком на острый камень. Каким-то чудом спасаясь от черепно-мозговой травмы.

– Трус, – выплюнул я, пытаюсь вернуть своим глазам способность видеть. Я попытался встать, но не смог сделать это быстро, все еще загибаясь от болезненных ощущений. Нога Бастиана вместе с его тяжелым ботинком угодила мне прямо в грудь, а кулаки в два мощных удара разбили мне губу. Я почувствовал вкус крови во рту, сплевывая ее в траву.

Унизительно. Гадко.

– Это ты трус, которому мало быть просто братом. Я считал тебя таковым. Брэндан, ты был моим братом! – он резко схватил меня за плечи и ударил о камень. Спина и затылок завибрировали от мощнейшего удара – было ужасно больно, но ни в какое сравнение не шло с той болью, из-за которой я уже несколько минут не мог встать.

– Я и есть твой брат! Очнись! Ты не в себе! – заорал я, блокируя его удары, как меня и учили. Пару раз промахнувшись, он разозлился, замахиваясь на меня, как настоящий палач, но я быстро скатился на траву, созерцая, как Бастиан заезжает рукой по острому камню. Раздается сильный, громкий хруст, по которому мне ясно, что он только что сломал себе пальцы. На его руках заалела кровь – открытый пере-

ЛОМ.

– Твою мать! – рявкнул он, краснея от ярости еще больше. Он оскалился, все его тело колотилось в нездоровых хаотичных судорогах, словно он был помешанным. – КАКОГО ХРЕНА они вообще тебя оставили?! Какого?! Я хочу, чтобы тебя не было!

Он кричал это и кричал, а внутри меня пробуждалась настоящее зло, которое дремало все эти годы. Еще никогда я не чувствовал себя таким сильным прежде, чем в эти секунды. Я чувствовал себя сосудом, который наполнялся разрушительной силой, и когда Бастиан замахнулся на меня здоровой рукой, я легко перехватил его удар и кинул на землю.

– Я убью тебя, если ты еще хоть слово скажешь про мою мать. Про любую из них, – я не знал, почему эти слова слетели с моих губ. Я пнул Бастиана – он растратил все свои силы, а его рука приобрела такой жуткий вид, что мне самому стало тошно. Он поправится. Я избью его до потери сознания и отнесу в замок.

Там и поговорим.

– Ты слабак, братец. Ты слишком мягкотелый, слишком добрый и благородный. Ты не способен на убийство!

– Только я знаю, что я могу, – не своим, почти механическим голосом выдохнул я, со всей дури пиная его снова. Бастиан приближался к краю обрыва, по мере того как я пинал его в грудь и живот, в полной мере наслаждаясь местью за его нечестный бой. Голова раскалывалась на две части, мне

хотелось остановиться, но я не мог.

Тьма зарождалась в каждой клетке моего тела, в каждой капле крови. Мне показалось, что я слышал в голове звон вперемешку с мелодичным голосом какой-то женщины, которая что-то нашёптывала на незнакомом мне языке.

– Ублюдок... – уже едва дыша, кряхтел Бастиан, когда я пришел в себя. Когда мой разум перестал слышать этот зловещий голос. Он лежал на самом краю обрыва – десять сантиметров разделяло его от смертоносного свободного падения. В последний раз слегка пнув его в грудь, я заметил, что все его тело обмякло, и он закрыл глаза, потеряв сознание.

– Бастиан... – выдавил я, хватаясь за волосы. Я развернулся к нему спиной, пытаюсь осознать, что мы только что наделали. Как это могло произойти? Как обычная прогулка, езда верхом могла обернуться кровавой дракой?! Неужели все изменения в Бастиане, которые я видел в течении последних двух лет, не были плодом моего больного воображения? Что же с ним, черт возьми, стало. Он был одержим властью...

– Ты отправишься в ад, сука, – я услышал зловещий шепот, когда кто-то коснулся моей щиколотки и потянул меня в сторону обрыва. Бастиан. Он собирался столкнуть меня.

Резко разворачиваясь, я подал ногу вперед, избавляясь от его хватки. Шелест деревьев и звуки волн были заглушены его истошным криком – Бастиан отпустил мою щиколотку и ударной волной отлетел по ту сторону обрыва... Подавив образовавшийся ком в горле, я наклонился, заглядывая пря-

мо в бездну.

Бастиан держался за каменный выступ и висел над пропастью, как пустая марионетка.

Ко мне в миг вернулось все, что я только что растерял. Трезвый ум вытеснил гнев, и я тут же протянул руку своему брату, понимая, что слишком сильно рискую: я наклонился к нему так низко, что и сам мог запросто упасть.

– Берись за мою руку. Бас... прошу тебя... ты можешь... – Бастиан взглянул на меня своими черными, как смоль, глазами. Из них ушел весь гнев и ярость. Осталось лишь сожаление и отчаяние, по которому я понимал, что он делает.

– Не вздумай прощаться со мной! Не вздумай! Бас... – в моем горле образовался такой твердый ком, что я не мог дышать. Это был первый раз в жизни, когда мне хотелось плакать.

– Моя рука... я не могу... – здоровой рукой он продолжал держаться за каменный выступ, соскальзывая, а ко мне тянулся другой – кровавой и безжизненной. Напрягая каждый мускул в своем теле, я ухватился за землю, подавшись к нему навстречу. Наши пальцы были в трех сантиметрах друг от друга.

Всего лишь три сантиметра между жизнью и смертью.

– Бас! Держись, пожалуйста. Пожалуйста, – шептал я, понимая, что если сдвинусь еще хоть на сантиметр, то упаду сам. Бастиан смотрел мне в глаза, едва шевеля губами. Ему было страшно. Черт, мне тоже страшно.

– Не надо, придурок! Не надо! Ты сам упадешь! – закричал мне он, убирая руку. Вдруг его взгляд стал полным решимости и какой-то уверенности, которую я не видел прежде. – Брендан, скажи Мэри, что я люблю ее. И не... – но договорить он не успел, потому что его рука соскользнула с обрыва.

Я услышал крик – он эхом разлетелся по поляне, проник горьким реквиемом в листву тополей, оставляя за собой отголоски ошибки и горя.

Я зажмурил веки, когда он падал, потому что чувствовал, как падаю вместе с ним. Мое сердце рухнуло на те же скалы, на которых лежал Бастиан, когда я открыл глаза вновь.

Его тело припечаталось к скалистому выступу в океане и стало таким маленьким в моих глазах – он превратился в едва различимую черную точку, которая больше никогда не подаст признаков жизни.

Меня трясло, как в бесконечной лихорадке. Я вырывал гребанную траву с корнем, разрывая землю своими ногтями. Тело... мне нужно забрать его... только бы забрать его.

Я не осознавал реальности, которая происходила со мной, еще даже не догадываясь, что этот момент – лишь часть ада, который мне предстоит пройти. Этого не может быть. Все это привиделось. Я укусил собственный кулак, в надежде не почувствовать боли и убедиться в том, что произошедшее – сон.

Но было больно не так, как внутри, но я чувствовал, что все произошло на самом деле.

Внутренности пропустили через мясорубку, и захлебываясь собственным рваным дыханием, я начал бить землю голыми руками. Раскат грома оглушил меня, и в следующую секунду я почувствовал крупные капли дождя на своем измученном теле.

Каждая капля была упавшей на землю слезой Бастиана.

«Скажи Мэри, что я люблю ее. И не...» Я никогда не узнаю, о чем он хотел сказать. Никогда. Я никогда не узнаю, что заставило его измениться и поступить так со мной. С собой.

Я снова посмотрел в бездну, увидев, как сильная волна, за одну секунду смела тело моего брата со скалы, забирая за собой в нерушимую пучину.

Его больше там не было.

Его больше не было.

И это я убил его.

Глава 1

POV Кенна

Я знаю, что чувствовал бы каждый человек, если бы вдруг солнце погасло. Ничего.

Наступила бы эта удушающая тишина, еле нарушаемая звоном, который мерзко тянется от уха до уха, обволакивая опустевший разум. Опустевшее безжизненное тело.

Мне говорили, что со смертью душа покидает тело. Но у меня внутри была такая не залатанная дыра, как будто моя душа покинула меня при жизни. Большая часть моей души, которая до последней капли отдана Брэндану.

На какое-то время я выпала из реальности – мне что-то говорили, а я не слышала. Меня трогали, куда-то вели, просили не кричать так сильно... а я даже и не слышала своих криков. Только Бог знает, что я наговорила в порыве истерики, и какие признания слетали с моих губ.

Отчетливо помню только одну фразу, которую повторяла без конца, что она бесповоротно въелась на подкорку моей памяти.

«Только дайте мне с ним попрощаться.»

Еще раз прикоснуться к Брэндану и сломаться от осознания того, что он больше не обжигающе горячий, как прежде.

Знать, что его глаза больше не сверкают сапфирами, а затянуты веками, превратившись в пустые осколки синего льда.

Перед моими глазами мелькала Мэри, десятки гвардейцев, которые запихнули меня в самолет и приковали к креслу. Тогда я больше не сопротивлялась, понимая, что все кончено. Какой в этом смысл? Они исполняли последний приказ Брэндана, и никакие бы мои уговоры и стенания не позволили бы изменить случившееся.

Я была счастлива покинуть этот замок, потому что каждый уголок, каждая картина на стене, каждая лестница, напоминала мне о том, что Брэндан уже никогда не пройдет по этим коридорам.

В своей боли я была настолько эгоистична, что даже мельком не думала о Мэри – о том, что будет с ее ребенком, после пережитого стресса. Что будет с их семьей.

Я полностью растворилась в своих воспоминаниях, в самых ее закоулках. Так просто закрыть глаза – и снова почувствовать его руки на своих плечах. То, как они уверенно сдавливают шею. Но трогают, ласкают, причиняя сладкую боль.

Так просто открыть глаза, и понять, что это всего лишь иллюзия. Брэндана больше нет. И именно я приложила к этому руку.

Не хотелось думать о том, кто по-настоящему сделал это с Брэнданом... в глубине души я знала, что яд, который я добавила в его напиток, не смог бы подействовать так быст-

ро. Когда гвардейцы позволили мне остаться одной, я еще раз поднесла его к губам и выпила чудовищную дозу яда. Но ничего не произошло. Разум отключился, как и в прошлый раз, и я просто заснула спокойным сном.

Мне даже начало казаться, что Гаспар просто издевался надо мной и подсунул мне какое-то мерзкое снотворное. Но почему тогда Брэндан не уснул, когда выпил его?!

Думать об этом мне не хотелось. Я снова стала потерянной девочкой, у которой не было ни близких, ни семьи, ни происхождения.

Только на этот раз я бы многое отдала, чтобы стереть Брэндана из своей памяти. Навсегда. Так, чтобы никогда не узнать его, никогда не увидеть.

Если бы я его не встретила, я бы его никогда не потеряла.

* * *

Я думала, что больше боли не будет. После того, как я увидела мертвого Брэндана, я думала, что ничто на земле не заставит меня испытать подобных чувств, но я жестоко ошибалась.

Во главе с Гаспаром гвардейцы вывели меня из самолета, усадив в черный тонированный автомобиль. Я не спрашивала куда меня везут, да и не хотела знать. Прислонившись лбом к стеклу, я уставилась в «сказочный» мир, который ждал меня по ту сторону стекла.

Дым, он везде и повсюду. На некоторых улицах я вижу людей, больше похожих на беспризорников, среди которых есть и мужчины, и женщины. На них одеты рваные лохмотья, и они в панике выбегают из своих облезлых, полуразрушенных домов.

Районы меняются. Узкие европейские улочки сменяются магистралями и широкими дорогами, и я попадаю в другую местность, которая кажется мне совершенно другой. Но и здесь царит атмосфера всемирного зла и мрака. Небоскребы дымятся, и кажется, я слышу отчетливые взрывы, которые изредка сотрясают стекла автомобиля. Люди куда-то спешат, бегут, суетятся, поправляя свои деловые костюмы... и в глазах каждого – страх. Страх быть следующим.

Мое сердце сжалось от ужаса, когда я смотрела на все это, еще раз напоминая о том, что оно по-прежнему там, внутри.

Мы едем дальше, а декорации продолжают меняться. Некоторые районы кажутся совсем уж утопическими на фоне всеобщего хаоса, но даже в таких районах я вижу в глазах людей тот самый чудовищный страх.

– Мне жаль, что ты видишь Париж таким, Кенна... – тихо шепчет Гаспар, наклоняясь к моему уху. Меня передергивает. Его чертов голос противен, как никогда. Мне хочется затолкнуть пузырек с ядом в его горло, и тут на меня накатывает такая лютая ненависть, что я начинаю кричать на всю машину.

– ЭТО ТЫ! – кричу я, срывающимся голосом. – Ты убил

его... ты... куда ты меня, черт возьми, везешь?

– Приехали! – раздается команда одного из гвардейцев, и через окно я вижу зеленые деревья и красивый нетронутый войной сад. Эдем на измученной земле. – Принцесса доставлена домой.

– Кенна, успокойся, ты дома. Эти ребята не тронут тебя. Мы все на Вашей стороне, Ваше Высочество. Они такие же шпионы, как и я.

Мне захотелось ударить его, когда я услышала подобное обращение к себе. Ваше Высочество. Он продолжает издеваться надо мной, продолжает обманывать и вести двойную игру.

– Ты думаешь, у меня совсем нет мозгов? – прошипела я, когда Гаспар схватил меня и практически заставил выйти из машины. – Я знаю, Гаспар, знаю, что ты все это подстроил!

На миг он смотрит на меня так, будто я только что заглянула в его душу и узнала все его тайны. Гаспар нервно проводит рукой по своим волосам и как-то по мерзкому облизывает пересохшие губы.

– Что подстроил?

– Яд! Это ты убил Брэндана! – гвардейцы в недоумении оборачиваются на нас с Гаспаром, а потом хватают меня за руки и ведут вперед.

– Ты не в порядке, – успокаивающее шепчет Гаспар и ведет свой отряд в сторону особняка. – Тебе нужен врач... и покой.

«Ты не в порядке.»

Я ничего не ответила, продолжая гвардейцам позволять нести меня, как куклу. Ноги заплетались, пока мы шли к огромному поместью, которое было чем-то вроде небольшого замка. Но он ни в какое сравнение не шел с красотой и роскошью дворца в Англии. Обычные каменные стены, шесть огромных колон, подпирающих свод здания. Единственная красивая вещь, которая украшала замок по-настоящему, это витражные окна, которые переливались яркими цветами, словно рубины, изумруды и янтарь на солнце.

Через пять минут я оказалась в почти пустом и спящем замке, где Гаспар вежливо попросил со мной уединения. Кажется, он привел меня в какую-то комнату и усадил на стул. Я прислонила пальцы к вискам, стараясь унять головную боль. Растерянность.

За последний день я пролила слез больше, чем за всю свою жизнь – голова разрывалась на части от давления, от того, что я постоянно морщила лоб. Собственные губы напоминали голимую соль – настолько они были заплаканы.

– Кенна, посмотри правде в глаза, если бы не его смерть, он бы был сейчас с другой девушкой. А об тебя он бы продолжил вытирать ноги. Ты была бы его вещью, тряпочкой. Но не королевой. Тот, кто отравил Брэндана, сделал тебе огромное одолжение, – начал Гаспар, но я даже глядеть на него не хотела.

Я ничего не хотела. Ничего кроме, как вернуть Брэндана.

– Не говори так. Он не умер, – тихо прошептала я, чувствуя, как слезы вновь обжигают щеки.

– Поверь, он мертв. Никто не возвращается оттуда, даже принц. Ты должна принять это... а я всегда буду рядом с тобой, моя повелительница... – меня затошнило от его признания.

«Мертв.»

– Он живет в моем сердце. И всегда будет там жить, – еле слышно проговорила я, вновь распадаясь на части. Я облокотилась на спинку кресла и зарылась лицом в предплечье, подавляя глухие рыдания.

Мне нужно справиться с этим. Мне нужно... вернуться к морю, на ферму, где я смогу спокойно жить дальше, забыв обо всем, что со мной произошло.

И постараться.

Очень сильно постараться не пойти на дно этого моря добровольно.

* * *

К вечеру у меня поднялась высокая температура, жар обволакивал каждую косточку, пока вокруг суетились неизвестные мне люди. Врачи, слуги, которые постоянно меняли мне воду и задавали вопросы, которые я не слышала, и на которые не хотела отвечать.

– Оставьте меня! Уходите! – крикнула я, накрывая себя

одеялом с головой. Неужели они не понимают? Я хочу побыть наедине с Брэнданом. Со всеми воспоминаниями, которые у меня остались. Но они продолжали отнимать у меня их по кусочкам, не в силах выполнить даже маленькую просьбу – оставить меня в покое.

Я почувствовала, как на кровать кто-то сел, и оторопела от такой наглости.

– Оставьте меня одну! – прикрикнула я, откидывая с себя одеяло. Я взялась за быльце кровати, чтобы сдержаться и не кинуть подушку в женщину, которая сидела напротив меня.

– Кенна... – голосом, полным скорби, прошептала женщина, сидевшая на моей кровати. На вид ей было лет пятьдесят – под глазами пролегли глубокие морщинки, а уголки губ слегка опущены вниз, как будто она все время расстроена и опечалена. В остальном у женщины мягкие черты лица и глаза цвета корицы, один в один похожие на мои.

– От куда все, черт возьми, знают мое имя, и почему все носятся вокруг меня?! Прошу, не утруждайте меня очередной сказкой, о моем королевском происхождении. Сыта по горло! – высказалась я, снова прячась под одеяло.

Господи, верни мне Брэндана.

– А ты все такая же капризная, как и в детстве... – с печальной нежностью произнесла женщина, заставляя меня поперхнуться. Кажется, после ее слов меня бросило в еще больший жар, чем прежде.

– Кто вы? – я выглянула из-под одеяла, смерив женщину

уничтожающим взглядом. На ней было строгое платье темно-фиалкового цвета и дорогие украшения на запястьях и шее. Женщина напоминала мне Меридиану в будущем – такая же сдержанная и грациозная, несмотря на гамму эмоций, бушующих в карих глазах.

– Не так я себе представляла нашу встречу. – ее губы дрожали, и она постоянно поглаживала тыльные стороны своих рук, будто сильно нервничала. – Я твоя...

Ей не нужно было договаривать эту фразу – я все видела по ее глазам, по каждой морщинке на лице женщины, которая была пропитана чувством вины.

Мама.

– Заткнитесь! Не смейте! Не смейте, говорить мне это! Вы – не она! У меня нет родителей! Прошу... отпустите меня домой! – я закрыла лицо руками, понимая, что ферма уже перестала быть моим домом. Давно.

Мой дом там, где он.

– Они даже не дали мне с ним попрощаться... увидеть его в последний раз... – я подавила рыдания, почувствовав в горле колющий ком из всех своих сожалений.

– Милая, тебе нужна помощь. Ты много недель была подвержена насилию и пыткам, Гаспар сказал, они изменили тебя...

Я была в шоке от подобной новости. Я уже почти и забыла о том, что меня пытался изнасиловать Золотозубый. Вся прошлая жизнь была стерта, а плохие воспоминания забы-

ты. Осталось только каждая секунда, которая была связана с Брэнданом. Боль, казалось, преумножила силу моей любви настолько, что она душила меня изнутри.

И я медленно умираю от недостатка кислорода. От недостатка Брэндана. Одна из самых мучительных смертей.

– Я не милая! – огрызнулась я, встав с постели. – И вы мне не мать! Возможно, вы подарили мне жизнь, но вы меня и бросили. И знаете... я очень благодарна вам за это. Правда, благодарна. У меня была прекрасная спокойная жизнь. Не в этом городе, который я увидела за стеклом автомобиля! Все что творится там... ужасно!

– Кенна, прошу тебя, дай мне все рассказать тебе.

– Рассказать, что?! Вы понимаете, что вы мне никто? Я не чувствую к вам ни единой эмоции, кроме раздражения.

Женщина смотрела на меня так, будто я избивала ее. Она едва сдерживала свои слезы – еще одна черта моего характера, которую я унаследовала от матери.

Все время сдерживаться. Но Брэндан выпустил всех моих демонов наружу и теперь я не собираюсь молчать.

– Я понимаю. Тебе больно...

– Мне больно, но не из-за вас! – сердце разрывалось от болезненной агонии, которая была заперта в моей груди. Господи, да что она может понять? Эта женщина отказалась от своего ребенка. Просто так, сплывила за ненужностью. Насколько бесчеловечной нужно быть, чтобы сотворить такое?

– Кенна, у меня для тебя кое-что есть, – только сейчас я

заметила шкатулку, которая лежала на моей кровати. Сделанная из красного дерева, украшенная маленькими драгоценными камушками, которые поблескивали в приглушенном свете.

– Уходите и забирайте свои подарки! – я указала женщине на дверь, будто она была служанкой, а не королевой Франции. Мне было все равно. Терять уже нечего – сутки назад я потеряла *в-с-е*.

– Ты была замечательной девочкой. Моей любимой дочкой, – печально пробормотала она, опуская взгляд. – Я не жду твоего прощения. Я не знаю, что с тобой произошло и почему ты настолько сломлена...

От ее слов мне стало только хуже. *Сломлена*. Это именно то, что хотел добиться Брэндан. Только никакая его жестокость не способна сломить меня. *Только его смерть*.

– И, видимо, мы с твоим отцом не заслуживаем это знать. Не заслуживаем узнать тебя, какой ты стала... – она продолжала шептать это с опущенной головой, стыдясь моего взгляда.

Неужели она думает, что пары ласковых слов хватит, чтобы я вдруг обняла ее и обрадовалась тому, что обрела мать? Да я ее не знаю! Совершенно не знаю, и за последние месяцы я хлебнула уже столько лжи, что все происходящее кажется мне липой и подделкой.

– Но я оставляю тебе это, чтобы ты смогла узнать нас. Может, это поможет тебе вспомнить, – она нерешительно вста-

ла и подошла ко мне. Нежно провела рукой по пряди моих волос. Я думала, что меня передернет, но нет, все, что я чувствовала – это пустоту.

И несмотря на то, что в каждой черточке лица женщины я узнавала себя, я не могла назвать ее матерью.

– Я так хочу, чтобы ты вспомнила, – женщина поморщилась, в последний раз подавив слезы и выбежала за дверь так быстро, словно ее здесь и не было. На миг мне показалось, что я слышу глухие рыдания, которые эхом разносятся по пустым коридорам особняка.

Я положила ладонь на грудь в то самое место, где было сердце. *Все это слишком больно.*

Упав на кровать, я сняла с волос заколку в виде цветка, которого прежде не знала. Он чем-то походил на розу и был ярко-красным, цвета крови. И все же он другой.

Это был особенный цветок. Для Брэндана. Для меня. Камелия.

«Тебе нравится ласкать меня, маленькая? Скажи, что ты никогда не отдашься другому. Пообещай. Камелия, поклянись, что ты только моя...»

Слова Брэндана терзали мой разум и выворачивали всю душу наизнанку, возвращая меня в каждую секунду, что я провела с ним.

Только твоя.

Глава 2

POV Брэндан

Мне снился жуткий сон, но это было воспоминание. Я видел в подробностях каждую мелочь того дня, когда я убил Бастиана.

Как все произошло на самом деле и как я беспощадно пинал его до самого края обрыва, а потом позволил брату упасть.

Я не смел оправдывать себя тем, что это была самозащита или роковая случайность. Это не так. Я мог бы убежать, мог бы сгладить конфликт, мог бы сделать все что угодно, но это я подтолкнул его к бездне и голыми руками убил брата.

Сон был странным, потому что я видел его, как наяву. Словно смотрел фильм, где я был актером, но как бы я не старался, не мог изменить ход событий. Я не мог перестать бить его даже во сне. Я видел этот сон по кругу, пока окончательно не сошел с ума внутри собственного тела.

Потому что, когда я пришел в сознание и услышал голоса людей, уже не из воспоминаний, а настоящие, я понял, что не могу пошевелить ни единой частью своего тела. Я даже не мог приоткрыть веки, словно оказался в тюрьме собственного разума.

Это было еще хуже Адинбурга.

Единственная часть тела, которую я чувствовал, – это глухое и редкое биение сердца. Изредка я даже мог ощутить ветер, овевающий мое лицо, но не более.

Я был не жив и не мертв. Я был снова заперт. И выглядел, наверняка, жалко.

Я был спящей машиной, которая нуждалась в запуске двигателя.

А потом... *это случилось.* Как будто в легкие вдохнули несколько галлонов кислорода.

Я широко распахнул глаза и закашлял от избытка воздуха, который непрерывным потоком принимали легкие. Меня будто били изнутри по ребрам.

После темноты закрытых век даже мрачная комната, в которой я лежал, показалась мне яркой и такой живой. Голубоватое свечение луны успокаивало меня несмотря на то, что это место больше походило на пещеру.

Я осторожно пошевелил пальцем ноги, с радостью обнаружив, что тело вновь откликается на сигналы мозга. Не спеша, я сел на твердой кушетке, и обнаружил, что почти полностью обнажен. К моей груди были приклеены какие-то присоски, которые вели к экрану, фиксирующему мой пульс. Разозлившись, я сдернул их с кожи. Мне больше не нужна помощь. Я абсолютно здоров.

Оглядевшись по сторонам, я заметил Джейсона, сидевшего в углу на кресле, а у двери – пару гвардейцев, которые

смотрели на меня с восхищением. *Как на Иисуса.*

Я ухмыльнулся. Они вряд ли знали, что яд на меня не действует. А вот Джейсон был прекрасно об этом осведомлен, вот и позаботился о том, чтобы меня не закопали заживо.

– Ну, и что, уже есть догадки о том, кто это сделал? – Джейсон отшутился, картинно захлопав в ладоши. На его лице играла счастливая ухмылка – этот засранец был рад меня видеть.

– Я только что вернулся из тюрьмы для мозга, а ты встречаешь меня этим вопросом... – очень хрипло ответил я, еще раз прокашлявшись. – Сколько я так лежал?

– Пять дней. Я уже начал думать, что ты действительно не очнешься. Но твое сердце по-прежнему билось, пока все остальное тело, находилось в спячке. Прости, я даже позволил доктору бить тебя молотком, но ты лежал, будто действительно умер, – пояснил он.

Я провел рукой по своей груди, ежась от холода. Паршивое, гадкое чувство. Давно я не чувствовал себя настолько физически слабым. Мне нужна была еда, ванна и женщина... только одна женщина, из которой я намерен высосать все силы, которые она только сможет дать.

Джейсон протянул мне рубашку и брюки и потрепал меня за волосы. Так всегда делал Бастиан, и меня передернуло от этого настолько живого воспоминания.

– Что говорят в народе? – поинтересовался я, лениво улыбнувшись двум гвардейцам, которые по-прежнему смот-

рели на меня, как на святого.

– Как твоему первому советнику, мне пришлось дать интервью и высказаться. Поскольку я знал о твоём иммунитете к ядам, я заверил их, что с тобой все в порядке, просто тебе нужен отдых. Уверен, они до сих пор мне не верят. Народ разделился на две группы: одни думают, что ты мертв, и не находят себе места... другие...

Ему не нужно было продолжать, чтобы я нарисовал себе картину происходящего за последние пять дней.

– И на парламент, которые празднуют мою смерть, где-нибудь на вилле.

– Точно.

– Думаешь, это они сделали? – голова загудела от нахлынувших на меня диких версий. От предвкушения проблем, которые придется разгребать. От мысли о женщине, которую я представил народу, но которая мне противна. Лицо сестры, которая наверняка места себе не находит, даже зная о нашем иммунитете. И наконец, о Камелии, которая занимала девяносто девять процентов всех этих мыслей.

Наша последняя ночь. Прозрачное платье сидит на девушке, оплетая каждый сантиметр ее соблазнительной фигуры, словно шито для нее. На самом деле так оно и есть. Полная грудь, к которой слишком приятно прикасаться через деликатную ткань и сжимать в своих ладонях, чувствуя легкую дрожь своей жертвы.

Своей женщины.

То, как она уверенно опускается вниз, не смотря на мой снисходительный взгляд. Слабая, но не сломленная. Слабая девушка, готовая на все ради своего хозяина.

Но есть одна маленькая деталь, которая всегда будет отличать ее от других – только со мной она будет такой.

Только для меня она широко расставит свои ноги, принимая внутрь. Она может сколько угодно делать вид, что ей нравятся хоть все гвардейцы в моем замке и злить меня, но я всегда буду знать, что ее крохотное сердечко будет трепыхаться только в моей ладони.

Мне нужно только найти эту грань между тем, чтобы удержать его... а не раздавить.

Вспомнил ее полные губки, обхватывающие мой член, и чуть не упал от сбивающего с ног желания – кровь, которая еще совсем недавно была замерзшей, еле живой, стремительно прилила к бедрам.

Джейсон уже с пару минут махал ладонью перед моим лицом. Вот черт.

– Эй, я тебе не мешаю думать о великом?

– Думать... мне нужно подумать...

Перед моими глазами мелькает Камелия, протягивающая мне бокал.

Хотела выпить за тебя и твою будущую невесту.

Отчаянная, дикая усмешка на ее губах. Усмешка, обиженной девочки, жаждущей мести.

– Вае... какая же су... – Я прикусил язык, глядя на Джей-

сона со злостью. Сейчас даже вид лучшего друга вызывал раздражение – я был близко к тому, чтобы схватить его за грудки и хорошенько вмазать, лишь бы выместить на ком-либо раздирающую ярость.

– Эй, ты думаешь, что это я это сделал? – Джейс посмотрел на меня так, будто я в жизни не наносил ему более неприятного оскорбления. – Я прекрасно знаю про твой иммунитет...

– Нет! Это она! Где эта дрянь?! – еле сдерживая свои эмоции отчеканил я, пытаюсь успокоить смертельные волны, бушующие внутри. – Где эта мразь, что картинно плакала, когда я упал?! ГДЕ ОНА? Немедленно приведи ее в мою спальню!

Джейсон с удивлением посмотрел на меня, нервно поправляя галстук.

– Ты приказал вышвырнуть ее из замка. Я отдал приказ лучшему из гвардейцев. Он отвез ее в безопасное место – все, как ты и просил.

– КУДА?! – на одном выдохе проорал я, лоя на себе взгляды шокированных слуг у двери.

– Я не знаю, Брэндан. Ты не уточнял. А что такое? Причем здесь эта девка? Теперь, когда у нас есть Скарлетт...

– Да плевать я хотел на Скарлетт, она нужна мне ради короны. Ради того, чтобы утереть нос гребанному парламенту! А Камел... ЭТА МРАЗЬ, должна ответить за то, что сделала! Это она... она подобралась ко мне так близко... не знаю, как,

но это она снова выставила меня слабаком перед всеми! Как тогда, *vae*, как в тот день, когда меня упекли в Адинбург! – я не мог остановиться и указал гвардейцам на дверь, призывая им немедленно покинуть комнату. Никто не должен видеть короля в таком состоянии.

– А зачем тебе нужна жалкая грязная пленница, которая ничем не отличается от рядовой шлюхи? – Боже, он действительно ничего не понимал. Джейсон был еще более черствым, чем я – если мои эмоции и били, то через край, зато его эмоциональный фон бы влез в булавочную головку.

Я схватил его за воротник рубашки, тяжело задышав.

– Тем, что ты не смеешь ее так называть. У пленницы есть имя. Камелия. Запомнил? И только я могу называть ее как-то иначе. Как угодно. Делать с ней что угодно. И чтобы вновь обрести над ней эту власть, эта тварь нужна мне здесь, в замке. Она должна узнать, каков на вкус этот яд. Яд мести... – я отпустил Джейсона, вспоминая одну важную деталь, о которой не думал прежде. Именно так я нашел Камелию, когда она сбежала в первый раз. По датчику, который был встроен в ее заколку в виде цветка. Именно так найду ее и сейчас. Где бы она не была.

В том, что она бережет заколку, которую подарил я, как зеницу ока, я не сомневался.

– Мне нужен врач, я должен сдать кровь, чтобы выяснить какую гадость в меня пихали и сколько раз, – я посмотрел на него с долей легкого извинения. – И не нужно смотреть на

меня так, будто мне нужен психиатр.

– Брэд, я понимаю, ты только что вернулся с того света и все такое, но давай ты немного придешь в себя и успокоишься, – он сделал вид, что отряхивает невидимую пыль со своей рубашки, и выразительно посмотрел на меня. Джейсон не любит, когда моя королевская сущность выходит наружу, потому что он единственный человек в этом мире, которому я могу хоть немного доверять. Но он много не понимает.

– Свои советы оставь при себе, – я заставил себя улыбнуться. – А я должен как можно скорее дать интервью парочке телеканалов и выглядеть хорошо. Пусть все члены парламента подавятся вином и королевскими креветками. Сразу несколько проблем исчезнет.

– Было бы неплохо, – кивнул Джейс и направился за мной – мне не терпелось покинуть эту мрачную комнату и увидеть Мэри.

Но еще больше я хотел видеть Камелию, и это желание сжигало изнутри, словно яд, по-прежнему запуская смертельную реакцию в моей крови.

И этот яд, название которого я не озвучивал даже в своих мыслях, по-прежнему там был.

Как бы я не хотел отомстить ей, и какая бы жестокая игра не созревала в моем разъяренном уме, в глубине души я знал: *я проклят ее любовью.*

POV Кенна

Особняк оказался еще меньше, чем я думала, и как бы я не хотела покинуть свою комнату, мне пришлось выйти из нее, чтобы понять, как скоро я смогу сбежать отсюда, и насколько это возможно.

Я все еще пыталась куда-то вырваться, даже сейчас, когда, казалось бы, никто не держит меня на привязи.

Сначала я хотела удрать от Брэндана, теперь же я хочу убежать к нему... к его телу. Я просто хотела сжать его руку в своей и в последний раз уткнуться губами в высокие скулы. Но они холодны.

Как и его губы.

От всех этих мыслей не было никакого спасения. Лишь пузырек с ядом, которого оставалось совсем чуть-чуть. Но может быть этой капли бы хватило на...

Я отбросила от себя эту мысль, пытаясь прислушаться к голосу разума. Ну, я же не должна так убиваться по мужчине, который раздавил меня морально, насиловал физически и наносил ножевые раны, без клинка... но не могла.

Вопреки всему я берегла эту тоску по нему, как и заколку, что мне от него досталась. И даже платье, которое я носила – его подарок.

Шкатулку, которую подарила мне женщина, я открывать не стала, но бережно положила в свою сумку. Сама не знаю

почему, но у меня рука не поднималась сломать ее или швырнуть в противоположную стену.

Гаспара я избегала и даже закрывалась от него на несколько замков – мне не хотелось видеть человека, который вложил в мою ладонь яд и посмел убеждать меня в том, что Брэндан только навредит мне.

Навредить можно только себе самой, и теперь я это знала, когда несколько глотков яда отделяли меня от избавления. От боли.

Только моя старая привычка, любопытство, мешала мне каждый раз, когда я тянулась к пузырьку. Я должна узнать, от чьей руки умер Брэндан. И если это буду я...

Я содрогнулась, медленно качая головой из стороны в сторону.

– Открой немедленно, Кенна! – прежде чем узнать голос Гаспара по ту сторону двери, я услышала два мощных стука. Кажется, его терпение лопнуло, и он больше не хотел переносить то, что я его игнорирую.

– Открой мне сейчас же! Ты нужна мне... – снова умолял он, теща мое самолюбие. С каждой нашей встречей я понимала, что не испытываю к нему ничего кроме жалости. И, как ни странно, это меня радовало – тем более настоящей, на фоне детских чувств к Гаспару, казалась мне любовь к Брэндану.

Я открыла дверь и сразу отвернулась, чтобы вернуться в кровать и обнять подушку.

– Я не хочу тебя видеть. Я никого не хочу видеть.

– Кенна, как долго это будет продолжаться? Почему ты не поговорила с матерью? Через несколько лет я возвращаюсь в Англию – я должен продолжать слезку...

Я подняла глаза на Гаспара. Удивительно, как сильно может измениться человек, когда ничего к нему не испытываешь. Я всегда считала Гаса красавцем – длинные темные волосы, правильные черты лица, идеальная кожа без каких-либо изъянов. Но теперь, когда я слышала все его слова, они не вызывали во мне ничего кроме отвращения.

– Слезку? – переспросила я, охрипшим голосом. – А все, кто был с тобой? Другие гвардейцы, которые привезли меня сюда...

– Тоже шпионы, – он попытался найти мою руку и взять ее в свою, но я одернула пальцы.

– Его окружали одни предатели, – с горечью прошептала я, думая о том, в какой же опасности сейчас находится Мэри и ее ребенок. Сейчас, когда в замке больше нет Брэндана, кто-нибудь обязательно воспользуется случаем и нанесет удар ей в спину. – И ты был одним из них...

– Кенна, ты должна понять, что все слишком сложно. Есть чувства человеческие, а есть взаимоотношения стран. Есть власть, которую хотел получить Брэндан, и как ты уже видела, на улицах, кровавым путем. Нам остается только надеяться на то, что после его смерти, все это прекратится, и соперник ослабнет... Я очень горжусь тем, что ты приняла

верное решение и помогла нам убить этого головореза. Ты воспитывалась вдали от всего этого, у тебя нет правильных ориентиров в жизни... грубо говоря, ты не знаешь, что такое хорошо, а что такое плохо.

Мои легкие сдавило. Мало того, что Гаспар разговаривал со мной, как с маленьким глупым ребенком, так он еще и в очередной раз напомнил мне о том, что я совершила. Если бы Гаспар не нужен бы был мне для спасения, я бы уже давно выставила его за дверь. Но мне необходимо хорошо сыграть свою роль, если я хочу вернуться на ферму, чтобы потом осуществить свой настоящий план – добраться до Англии. Не знаю, как, но я доберусь до замка, и знаю, что Мэри примет меня обратно. Если только она не будет мертва к этому моменту.

– Гаспар... – на моем языке крутились тысячи ругательств в его сторону, но я даже натянуто улыбнулась, чтобы он ничего не заподозрил. – Я принцесса, а ты мой поданный. Верно?

Я собрала все свое высокомерие, на которое только была способна и вложила его в свой взгляд. Этому стоило поучиться у Брэндана...

– Да, Ваше Высочество.

– И ты столько раз клялся в чувствах, которые испытываешь. Ты можешь сделать для меня все, о чем прошу?

– Я подчиняюсь только главнокомандующему. А он – королю и королеве. Твоей матери и отцу. Если твой приказ не

противоречит их указаниям, я полностью к твоим услугам.

– Я хочу вернуться на ферму и жить там. Я хочу домой. – взгляд Гаспара прояснился, когда я попросила об этом. Он наверняка был уверен в том, что я начну умолять его о том, чтобы доставить меня в Англию немедленно.

– Но почему? Ваше место в замке... не в этом, это всего лишь особняк ваших родителей. Замок недавно подвергся нападению и теперь не в самом лучшем состоянии...

Мне было все равно на количество недвижимости, которым владела моя семья. Но Гаспар продолжал описывать мне возможности, которые я упускаю, пытаюсь сбежать от своего титула.

– Они мне не родители. Я – не принцесса. Да, теперь я знаю, и верю тебе, в моих венах и правда течет королевская кровь. Но, очевидно, мало родиться принцессой. Ей нужно стать. И последние десять лет своей жизни я делала все что угодно – от мойки сараев до вспахивания земли, но уж точно не управляла страной. Значит так тому и быть.

– Но... я не понимаю, почему... не понимаю.

– Я и не надеялась на то, что ты поймешь. Последние месяцы изменили меня, Гас... я уже не тот ангел, на которого ты смотрел с открытым ртом. Хотя нет, ты по-прежнему продолжаешь это делать! – я вдруг встала с кровати, глядя на него, как на червя. И он глотал мой взгляд, он уменьшался под ним, будто я была всесильна.

Вот что чувствовал Брэндан, когда был с другими девуш-

ками. Скуку. Жалость. И ни капли уважения к объекту своих издевательств. Я откровенно давала Гаспару шанс – я выжидала. Что он что-нибудь скажет в свою защиту, что настоящий мужчина не станет позволять в свою сторону таких слов и попытается уговорить мой разбушевавшийся нрав, но нет.

Он проглатывал обидные слова, в то время как Брэндан уже давно бы пригвоздил меня к ближайшей стене и очень доходчивым образом бы объяснил, кто я такая и где мое место.

А мое место – рядом с ним. С сильным мужчиной, чья холодность разбивает мне сердце, но от того нежность и ласка в сотни крат слаще.

– Кенна... – я заметила, как его веко задергалось, но он все равно ничего не ответил на мою колкость. – Конечно, я сделаю для тебя все, что попросишь. Если твой приказ не будет заключаться в том, чтобы ты покинула страну.

– Повторюсь, я хочу обратно, на ферму. К завтрашней ночи ты должен придумать план, как мы выберемся отсюда. Хотя... наверное, им будет на меня все равно. Как и десять лет назад. Не так ли?

– Ты... Боже, да что с тобой, Кенна? В кого ты превратилась?

Я скрестила руки на груди и посмотрела на Гаспара с вызовом.

– Я всегда была такой, Гаспар. И если мой настоящий образ режет тебе глаза – не смотри. Только прежде доставь ме-

ня домой. – я вскинула подбородок, слегка поёжившись от холода. Мне не было холодно физически, нет. Этот лед был глубже – с каждым днем мое сердце покрывалось плотной коркой этого льда, защищая от боли, которую я испытала, когда потеряла Брэндана.

Которую я испытываю.

И у меня такое чувство, что она никогда не уйдет.

Такое чувство, что он живет там, в моей груди, и отчаянно царапает по моему сердцу, не собираясь отпустить. Как он делал это и при жизни.

На мои слова «Я прошу никогда не покидать меня...» Брэндан будто бы отвечал только сейчас.

Я тебя никогда и не покину. Ты же часть меня.

Глава 3

POV Брэндан. Flashback

– Ну что, бастард? Тебе нравится? – один из служителей Адинбурга наотмашь ударил меня по лицу. Про себя я называл его Вонючкой, потому что от него вечно несло потом, гарью и чем-то прогнившим. Может быть его душой? – Чувствуешь боль?!

– Нет, – я сохранял на своем лице выражение полнейшего равнодушия, но знал, что на щеке синели синяки и ссадины. – Это все на что ты способен?

Я ухмыльнулся и получил за это еще более сильный удар, чем прежде. В последнее время я так привык к их диким ударам, что мне действительно уже стало плевать. Неужели они думают, что после того, как почти вся моя семья умерла в один день, а меня прилюдно унизили, я буду бояться их жалких ударов? Они бессильны передо мной. Я по-прежнему остаюсь королем в то время, как они остаются жалкими бессердечными тварями.

И они хотят сделать меня таким же.

– Это прекрасно. Из тебя бы получился отличный служитель Адинбурга. Равнодушие – это почти бессердечие. А в тебе это есть. – на этот раз он заехал кастетом мне в челюсть.

Я крепче сжал кулаки на ручках стула, вцепившись в них. *Я ничего не чувствую. Я ничего не чувствую.* – Скоро от твоего сладкого личика и следа не останется.

Я безжизненно кивнул, стараясь в своих мыслях уходить куда-нибудь далеко-далеко. Где служителя нет. Где я сбегая с уроков, чтобы навестить своего льва, Арсалана, перед тем, как отправить его в Африку.

Я вспоминаю, как зарываюсь в его мягкую гриву лицом и чувствую его благодарность.

– Знаешь, зачем мы это делаем? Думаешь, в этой тюрьме всех так мучают? – я проигнорировал его вопросы, уставившись в одну точку. – Адинбургу нужны служители всегда. Твой отец был против этой тюрьмы, но каждый раз люди продолжали совершать настолько жестокие преступления, что наша работа просто необходима. Так стал служителем и я. Они разглядели во мне это и развили. Жестокость, которая всегда жила во мне. Которая живет в тебе. Убить короля и своего брата... знаешь, сопляк, нужно быть действительно бессердечной тварью.

Я молчу, продолжая вспоминать все самое хорошее, что когда-либо происходило в моей жизни. Я помню, как навещал детский дом, и обратил внимание на маленькую девочку – она была очень молчаливой, в отличие от всех остальных детей, и загадочно улыбалась. Корона украшала ее изящную головку и темно-каштановые волосы. Маленькая, детская корона из пластика, которая для нее была всем. Когда я со-

бирался уходить, пообещавшись с детьми, она подошла ко мне и потянула за край пиджака.

Помню, как опустился на одно колено, чтобы ей не пришлось смотреть на меня снизу-вверх. Ее карие глаза были полны слез, хоть на губах и играла та самая волшебная улыбка.

– Сегодня моя мечта сбылась. Я встретила прекрасного принца, – прошептала она и тут же покрылась румянцем, закрывая лицо руками.

Ее звали Аннабель. И в тот день я впервые почувствовал то, что может испытывать отец. Какую-то часть этого. Это пугало... и притягивало одновременно.

– Что задумался? Что молчишь?! Ах, тебе мало, щенок? – взревел Вонючка, жестом подзывая к себе других служителей. Один из них настолько оброс жиром, что я окрестил его Толстым.

– Мало. Ага. Можете продолжать колошматить меня сколько угодно. На меня это не д-е-й-с-т-в-у-е-т!

– Ну, все, ты договорился. – вонючка быстро проверил мои руки и ноги – хорошо ли я привязан к стулу? Потуже затянув ремни на моих запястьях и вокруг голени, он скомандовал, – Открывайте чемодан!

Толстый и Вонючка засмеялись в унисон самым мерзким и злорадным смехом, который я когда-либо слышал. Интересно, что еще они там придумали. Это все равно...

Мой взгляд упал на острые лезвия, которые поблескивали

в чемодане. Как бы я не старался скрыть свой страх, тысячу догадок в один миг пронеслись в моей голове. Какие-то были терпимы, какие-то страшны настолько, что я предпочел бы скорую смерть.

На лбу выступили капли пота, и я был рад, что из-за отросших волос служители их не видят.

– Что, и это на тебя не подействует? Приготовь его руку, Черный служитель. – между собой они почему-то называли себя по цветам, но я не хотел вдаваться в подробности их иерархии. Толстый схватил меня за палец, в то время как Вонючка взял в руки острое, как игла, лезвие.

Я уже знал, что он собирался сделать, и задержал дыхание, чтобы не заорать слишком сильно.

– Ну, что, начнем. – усмехнулся Вонючка и со всей силы загнал острое лезвие под мой ноготь.

Острая боль пронизывала до костей. Настолько, что я не мог сдерживать эмоций. Даже розги показались мне цветочками в сравнении с этой болью. Он засовывал лезвие глубоко, наслаждаясь каждым моим вскриком, а я старался не смотреть на то, как он это делает.

– Смотри, ублюдок! Смотри! Ты должен почувствовать злость, щенок! Чтобы когда-нибудь стать одним из нас и проделать то же самое с таким же ублюдком, как ты!

Комната наполнилась диким смехом и моим тяжелым дыханием. Я сжал зубы настолько сильно, что, казалось, челюсть вот-вот сломается от такого давления.

Закрыв веки, я возвращался и возвращался... искал в клетках мозга что-то светлое и хорошее...

Но это стиралось. И появлялись только новые клетки, наполненные дерьмом, болью и жестокостью.

Но это еще не самое мерзкое воспоминание из Адинбурга. Впереди меня поджидало что-то еще более жуткое.

POV Кенна

Мой запланированный «побег» Гаспар перенес на послезавтрашнее утро, а не на ночь, как я его просила. Объяснялось это тем, что мы вовсе не сбегали, а просто покидали замок – меня никто здесь не держал. Отца я в глаза не видела да и не хотела знать, почему он не соизволил даже попытаться поговорить со мной.

Этот разговор закончился бы так же, как и с матерью, которая больше не предпринимала попыток пообщаться со мной.

И они надеялись, что после такого «теплого» приема я захочу здесь остаться? Что одного разговора и старинной шкапулки хватит, чтобы заполучить мое прощение?

– Ты совершаешь ошибку, Кенна, – в последний раз предупредил меня Гас, когда я спустилась к воротам с небольшой сумкой в руках. Мои волосы были убраны назад с помощью заколки в виде камелии, а оставшиеся распущенные локоны, спадали на плечи.

– Может и так. По крайней мере, это моя первая ошибка, в то время, как ты их насосершал достаточно. – я в последний раз взглянула на мать, стоявшую на веранде. Ее плечи как всегда расправлены, а лицо выражает спокойную, безмятежную королевскую статью, которую у нее не отнять.

Я никогда не буду такой, как она. И я не хочу этого. Воз-

можно раньше... когда принц был жив, это имело смысл, но сейчас... какая разница, какого цвета моя кровь? Похоже, это имело значение только для Брэндана.

Грязнокровка.

Обидное слово навязчиво пульсировало в моих висках, но уже не причиняло боли. Даже если бы я и хотела злиться на Брэндана, не смогла бы. Все, что я хотела – это чтобы он вернулся.

Мои губы задрожали от нахлынувших вновь воспоминаний, и королева посмотрела на меня с глубокой печалью, бушующей в ее глазах, должно быть, она надеялась, что я собираюсь пролить слезы из-за нашего прощания. И даже протянула руку вперед, будто хотела, чтобы я подбежала обнять незнакомую женщину.

Перед моим внутренним взором тут же замелькала рука Брэндана, которую он протягивал в мою сторону, проживая последние секунды своей жизни.

Сильная рука, в которой запросто могла бы уместиться моя талия.

А потом я отвернулась и села в черную машину, брендованную двумя французскими флагами на капоте.

– Ей все равно, – прошептала я, больше не собираясь смотреть на королеву, в которой я не могла узнать свою мать. Поскольку другие гвардейцы уже отправились обратно в Англию, мы с Гаспаром остались совсем одни.

Так странно – раньше Гас был единственным человеком,

которому я могла доверить свою жизнь, а теперь, сидя с ним в замкнутом пространстве, я чувствовала себя ужасно неловко и даже побаивалась.

– Кенна, я не хотел, чтобы все так вышло. Сейчас стране очень тяжело, и они нуждаются в твоей поддержке. В человеческой поддержке. Да, у них есть другие дети и наследники, но ты была первой... – начал Гаспар очевидно в надежде на то, что его рассказ заденет семейные струны, спрятанные в глубинах сердца.

Но новая новость повергла меня только в больший шок.

– Ах, вот оно что. У них много детей? Значит, вот почему они даже не попытались меня остановить?! Наверное, ото-слали меня на ферму из тех же побуждений. Одним ребенком больше, одним ребенком меньше... – какой бы бездуш-ной я не хотела казаться, мои глаза ощутили предательское жжение.

Брэндан. Просто думай о нем, когда тебе плохо. Просто помни, что теперь он живет в твоём сердце и твоя любовь всегда будет рядом с тобой.

– Ты делаешь глупые поспешные выводы... – он опять на-чал поучать меня, как маленькую девочку и я не желала это-го слушать.

– Я уже достаточно взрослая, чтобы рассуждать логиче-ски, Гас. Давай больше не будем говорить об этом.

Гаспар тяжело вздохнул, и в зеркале заднего вида я пре-красно разглядела, что ему стоит больших усилий держать

себя в руках. Хотя... он не умеет этого делать. Он же военный. Наверное, его годами обучали сдерживать свои эмоции, и только я могла задеть его каменное сердце.

Я же не находила себе места, размышляя о том, что он вернется в Англию, а мне придется добираться до Лондона окольными путями. Было бы гораздо проще, если бы Гаспар являлся моим поданным и безоговорочно подчинялся любому приказу.

Спустя несколько часов молчания мы въехали на территорию, которая напоминала мне о дне, когда я только приехала сюда. Бегающие в панике люди, дымящиеся здания и постоянные драки на улицах. Некоторые магазины и придорожные лавки заколочены деревянными досками, как будто жизнь там остановилась.

Эта жизнь так сильно отличалась от той, к которой я привыкла. Бескрайнее море, свежая трава под ногами и много-много физического труда, после которого было так приятно лечь на крышу амбара и смотреть на звезды. Я любила так делать, но мне всегда было жаль, что я ни с кем не могу разделить темно-синие облака и маленькие фонари, которые видела в небе. Я всегда наслаждалась тишиной и одиночеством.

– Ты многого не знаешь, Кенна! – наконец не выдержал Гаспар. – Разве тебе не больно, когда ты видишь это? Как... как после всего того, что ты видишь сейчас, ты можешь продолжать любить его? Даже после его смерти?! – он хлопнул

руками по рулю и сделал крутой поворот налево, проезжая указатель, на котором было написано «Монте-Карло». – Ведь это я всегда был Р-Я-Д-О-М!

Я не ожидала, что он выскажет мне все, что накипело в его душе. Мы же были любовниками. Спали в одной постели. Это было всего три раза, но сейчас, мне кажется, что этого вовсе не было. Брэндан полностью стер с меня каждое касание Гаспара и теперь я была отдана только ему.

Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида. Я долго искала, что ответить Гаспару, но наконец ответила цитатой из старинной книги, которую прочитала в одну из скучных ночей в замке Брэндана:

– «От того, что человек умер, его нельзя перестать любить, черт побери, особенно если он был лучше всех живых, понимаешь?».

А потом я закрыла лицо руками, прислушиваясь к тому, как презрительно Гаспар фыркнул в ответ.

– Лучше всех?! Этот Ирод перерезал всю свою семью ради власти. Знаешь, я был даже удивлен, когда узнал, что принцесса Меридиана живет в замке. Я уверен, что если бы он остался жив, она была бы следующей, кто попалась бы под горячую руку этого ублюдка...

Я заткнула уши, чтобы не слушать его дальнейшие обвинения в сторону Брэндана. Я больше не знала, где правда, где ложь. Единственное, что я хотела, это не думать о нем плохо. Но слова Мэри, однажды сказанные ею, так и крути-

лись по уставшим извилинам.

«Еще как посмеет. Не со мной, но сделает. С ребенком. Он убьет Даниэля... с позором.»

Когда мы остановились у отеля, в котором планировали переночевать, на улице уже царил непроглядная тьма. Путь до фермы был очень неблизок, и я понимала, что Гаспару нужно несколько часов на сон. Про себя я молилась, чтобы он позаботился о том, чтобы нам дали отдельные комнаты.

– Я могу рассчитывать на твое благоразумие? – отрывисто спросил он, помогая разместиться мне в своей комнате. – Пятнадцатый этаж, ты будешь заперта. Я бы конечно предпочел остаться здесь с тобой и охранять твой сон...

– Нет, – слишком быстро и резко произнесла я, надеясь на то, что он не видит нарастающей паники в моих глазах. – Я... люблю спать одна. С тех пор... как эти люди в замке, пытали меня...

Гаспар прищурил серо-зеленые глаза и коротко кивнул мне. Я собиралась присесть на кровать и спокойно дождаться его ухода, как вдруг он схватил меня за руку и развернул к себе, не притягивая. Но я чувствовала, как он этого хотел.

Он был слишком нерешителен. Меду нами никогда не было искры страсти, только дружба и нежность.

Или... все нормальные мужчины ведут себя так, и это мое больное воображение возвращает меня к Брэндану который в первую же нашу встречу, полез рассматривать мои бедра? Только спустя время, я поняла, что он искал на мне королев-

скую метку.

А она оказалась спрятана даже от меня самой.

Гаспар сделал очень вялую попытку притянуть меня к себе, но я одернула руку.

– Гаспар, спасибо, что ты везешь меня домой. Я очень благодарна тебе за это. Я благодарна тебе за то, что ты всегда был рядом и оберегал меня. Но... – «Ты дал мне в руки яд, которым я, возможно, убила Брэндана.»

Только об этом я не сказала.

– Ты потерял мое доверие, когда признался в том, что все эти годы обманывал меня. Ты мог бы рассказать всю правду, как только мы познакомились, но ты скрывал. Да, ты был верен стране и закону, но в таком случае у меня напрашивается только один вывод – ты недостаточно любил. Недостаточно любил меня, чтобы пойти против долга.

У Гаспара отвисла челюсть, когда я наградила его этой тирадой и жестом вновь указала ему на дверь.

Брэндан тоже не смог пойти наперекор крови и отказаться от той девушки, в чьих венах якобы текла королевская кровь. Кто же она была? Принцесса какой страны? Этого я не знала да и не хотела знать.

Брэндан предпочел страну, власть, а не меня. Но он хотя бы никогда не скрывал этого.

Кем ты себя возомнила, девочка?

Все верно. Я – никто.

И теперь я еще более одинока и потеряна, чем тогда, когда

потеряла память. Чем тогда, когда была в темнице, и тогда, когда была игрушкой Брэндана.

Теперь я действительно не знала, что я хочу найти, когда вернусь в замок Англии. Наверное, я бы зарылась в рубашки Брэндана и провела бы там неделю, часами вдыхая аромат его кожи.

Его пота, который напоминал бы мне о каждой капле, которую я ловила губами.

Я бы трогала его вещи, представляя, как он к ним прикасался.

Как он прикасался ко мне так, будто я была ему предназначена.

* * *

Когда рассвет слегка коснулся неба и я услышала звук открывающейся двери в своем номере, я уже мысленно нарисовала себе образ Гаспара. Обернувшись, я поняла, что так и есть – в сумраке передо мной стоял высокий человек в военной форме.

Я пропустила вдох, когда поняла, что позади него стоят еще с десятков людей в мундирах. Я подпрыгнула на кровати, попытавшись закричать, но к моему лицу приложили тряпку, насквозь пропитанную мерзким химическим запахом.

Голова мгновенно закружилась и я утратила способность трезво мыслить. Я слышала гомон басистых голосов гвардей-

цев, но не понимала, о чем они говорят. Улавливала звук их тяжелых шагов, но до сих пор так и не осознавала, что происходит по ту сторону моего обморока.

Это... гвардия Франции. Очевидно, что-то пошло не так и мои «родители» передумали, решив вернуть меня домой насильственным путем. Других объяснений этой ситуации у меня не было.

Если первые минуты я пыталась найти ответ на вопрос, кто ко мне вломился и зачем, то через некоторое время, мой мозг полностью отключился, отправляя меня блуждать по тайным закоулкам сознания.

Последнее, что я помню, это сильные мужские руки, которые кидают меня на заднее сиденье машины. История повторяется, и вот меня снова везут неизвестно куда и зачем.

POV Брэндан

Я сидел за рабочим столом, жутко нервничая. Я знал, что сегодня тот самый день, когда гвардейцы должны были доставить Камелию в замок. Вчера они позвонили мне и сообщили, что нашли ее в одном из придорожных отелей – в ее волосах была вплетена подаренная мной заколка.

Она носила ее.

Девушка была в номере совершенно одна, и из-за этого возникало только больше вопросов: гвардейцы, которые вернулись из Франции, выразились совершенно ясно – они доставили Камелию на ферму, откуда она когда-то была похищена. Что она делала в отеле, ума не приложу, но я был счастлив, что мир придумал такую вещь, как приборы локального слежения. Пока Камелия носит мою заколку, у нее нет никаких вариантов сбежать от меня.

Никаких.

Она же считает тебя мертвым.

Я не успел подумать об этом, потому что в мой кабинет ворвался доктор Фиц, человек, которому я не раз доверял свое лечение. Именно он помог мне вернуть мою спину в более-менее человеческое состояние. Да, я был обезображен, но не настолько, как в Адинбурге, и хоть мне было и плевать на шрамы, я всегда хотел, чтобы они были менее заметны.

Так они бы меньше напоминали мне о том, через что при-

шлось пройти. Я встряхнул головой, глядя на Фица с нетерпением.

– Все уже готово, я так понимаю? – я успокоил дрожь в своем голосе и взгляделся в седовласого человека преклонных лет, стоявшего передо мной. Старик был облачен в белую мантию. Слегка поправив круглые очки, неровно сидевшие на его крючковатом носу, он произнес:

– Да, все анализы крови готовы, – Фиц развернул бумажку, которую держал в руках. – Ваше Величество, ну что я могу сказать, у вас очень много врагов. Вас пытались отравить целых два раза.

Я не позволил эмоциям выйти наружу: сохраняя ледяное выражение лица, я жестом попросил его присесть напротив меня. Чтобы унять пляс своего сердца, я сделал едва заметный выдох, пожирая взглядом Фица, который был просто обязан разложить мне все по полочкам.

– Замедление пульса наступило от яда, который был добавлен в ваш кубок на празднике. Ну, вы знаете, каковы были последствия. Яд был средненький, но мне известный. Его создают в лабораториях и его довольно просто купить на черном рынке. Он не представлял для вас смертельной опасности, но, очевидно, губитель об этом не знал.

– Продолжайте, – я кивнул, полностью сохраняя самообладание. Значит кто-то подмешал яд в кубок до начала церемонии. Это мог бы быть кто угодно. Повар? Официант? Гвардеец, проходящий мимо?! Тот, кто наливал вино?! Го-

раздо интереснее для меня, прозвучала следующая информация, которая сама по себе звучала как новая доза яда.

– Судя по крови, вас пытались отравить и ранее. Очень, очень занятная штука. Редкий и опасный яд. Я на 99 процентов уверен, что несмотря на вашу вакцину, он бы мог вас убить, – я сглотнул образовавшийся в горле ком и впился в доктора Фица, слова которого звучали как смертельный приговор.

– Когда? Можно ли рассчитать хотя бы примерно, когда меня пытались отравить?!

– Ох, это очень легко, Ваше Высочество. Этот яд был добавлен вам в напиток вечером накануне приема. Действие у него интересное... яд этот абсолютно безопасен, пока он не принимается регулярно. То есть, чтобы он убил, нужно употреблять его три-пять раз, в противном случае, всего одна одиночная капля яда подействует на человека, как снотворное. То есть, вы наверняка уснули, как только выпили этот напиток...

– Нет. Я не помню такого. Я точно не хотел спать... я ничего подобного не помню! Может это какая-то ошибка? – я надеялся, что доктор Фиц не слышит отчаяния в моем голосе. Я до сих пор верил... *наивный идиот*, в то, что Камелия не смогла бы этого сделать.

– Это можно объяснить вакциной. Она присутствует в вашей крови, слегка изменяя ее состав и ваше общее состояние в целом. Вы же всегда замечали за собой гиперреак-

тивность, устойчивость к физической боли. Отчасти, именно она помогла вам выжить в Адинбурге – я знаю, что с вами там делали, не скрывайте. Большинство юношей вашего возраста просто бы не выдержали такой боли... думаю, поэтому этот яд, который, кстати говоря, природного происхождения и его просто так не достанешь, не подействовал на вас как на снотворное. Но... если бы вы принимали его регулярно, вы вполне могли бы не вернуться с того света.

Я уже почти не слушал Фица. Кровь загустела в голове, делая ее тяжелой и непослушной. Мой мозг будто своеобразно блокировал информацию о том, что единственная девушка, к которой я воспылал хоть какими-то чувствами, пыталась меня убить.

И сначала я этому не верил. Теперь же это подтвердилось.

С силой ударив по столу, я смел с него все бумаги, над которыми корпел несколько часов, и схватился за волосы.

– Черт возьми, какая сука! Вае! – выругался я, забыв, что я совершенно не один.

– Простите, Ваше Высочество, я понимаю, что новость не из приятных...

Не из приятных. Вот оно что. Это так называется, когда девушка, которую ты... *неважно*. Желает тебе смерти.

А чего ты хотел? Что после того, как ты неделями оскорблял ее и наносил раны, что она примет тебя таким, какой ты есть?

Да... черт возьми да, именно этого я и хотел. И мне ка-

залось, что я видел эту гребанную любовь и нежность в ее карем омуте, но, черт возьми, я так ошибался.

Это же надо было так облажаться.

Что ж, теперь ее доставят сюда, и я разберусь с ней лично. Она хотела убивать меня медленно, по капле?

Придется мне воспользоваться тем же оружием, и на этот раз ей не разжалобить меня нежными словами и лаской, которую она мне давала.

Ничто, никакая человечность, которая вновь начала расцветать в моей душе, не изменит моего решения.

Я вынесу Камелии приговор и буду мучать ее так, пока она сама не захочет выпить этот гребанный яд!

Фиц что-то говорил, пока я размышлял и строил новый план своей мести, но нас прервал вошедший без стука гвардеец. Он слегка запыхался, и я знал, с какой новостью он пришел. Я взглянул на часы – рановато, но они как раз вовремя. Как раз к разгару моей злости.

– Ваше Высочество, пленница доставлена в замок. Куда нам отвести ее? В ее старую спальню? Какие будут дальнейшие указания?

Я смерил его высокомерным взглядом, не в силах сдержать ядовитой усмешки, полной злорадства и мести.

– В темницу ее.

Если Камелия одержала победу в первом раунде, это не значит, что она выдержит эту войну. Ей придется сломаться, придется пожалеть о том, что она совершила.

И перед тем, как нанести по ней сокрушительный удар, я смогу вдоволь насладиться удовольствиями, которые она может мне дать.

Глава 4

POV Кенна

Проснулась я от громкого звука капающей воды и чудовищного ощущения дежавю. Меня будто раз за разом кидали в собственный кошмар, проверяя, как долго я смогу выдержать его на этот раз.

Ладонью опершись на сырую каменную кладку, я слегка привстала, пытаясь разглядеть местность в которой нахожусь. Хотя собственное нехорошее предчувствие нашептывало мне о том, что я в этом не нуждалась.

Когда темнота в глазах прошла и я вновь приобрела способность ясно видеть, я узнала в сырой комнатухе свою темницу, где провела довольно долгое время, и вздрогнула.

Этого не может быть. Может, я в похожей темнице? Неужели это все-таки была английская гвардия?! Но зачем я им понадобилась, если они сами отвезли меня домой...

Нелогичность происходящего только больше обезоруживала мой мозг, окончательно оставляя в растерянности.

Краем глаза я увидела чью-то тень, которая просачивалась в расщелину между полом и дверью, а затем – торопливые шаги. Кто-то наблюдал за мной и заметил, что я очнулась.

Не так я представляла себе возвращение в замок, несмот-

ря на то, что это именно то, чего я хотела. Я надеялась, что найду через парадную дверь и сразу же попрошу встречи с Мэри, которая примет меня под свое крыло и мы вместе с ней... сможем справиться с этой болью.

Ее ребенок. Теперь она может не переживать за то, что ему угрожало, но она явно не хотела, чтобы жизнь ее малыша досталась ему такой ценой. Мэри любила Брэндана, и я чувствовала это всегда, когда она рассказывала мне о их детстве.

Я встала, отряхнув пыль с платья, и отметила, что в этот раз я хотя бы не была подвержена унижениям и попыткам изнасилования.

Взглянув на небольшое окошко, через которое поступал сумеречный свет, я вдруг задрожала, понимая, насколько близко я нахожусь к Брэндану.

Точнее к его бездыханному телу.

Мысль о том, что от него остался только памятник с высеченными буквами его имени, разрешила мое сердце, словно никчемный кусок мяса.

– Брэндан... – тихо прошептала я, снова прислоняясь к холодной стене. Робкие всхлипы отчаянья прервались звуком шагов, которые доносились из подземелья.

Ворота распахнулись так резко, будто их открыли с ноги. Я увидела незнакомого гвардейца, с ног до головы облаченного в форму английской гвардии. Герб в виде льва с крыльями в который раз напомнил мне об этом, и я вздохнула с облегчением – ну, конечно, эту темницу я бы вряд ли с чем-

то спутала.

– Принц Уэльский желает аудиенции с вами, леди, – он коротко кивнул мне, отступив в сторону. Смысл его слов дошел до меня не сразу. Я судорожно пыталась понять, как меньше чем за неделю они нашли нового наследника для такой страны? Это какая-то ошибка... Но когда я увидела человека, который вошел в мою крохотную комнатку и закрыл за собой дверь, я схватилась за стену, лихорадочно вобрав в легкие воздух.

Передо мной стоял крупный, высокий молодой человек, с ног до головы облаченный в бежевую парадную форму, которая плотно облегла каждый мускул его сильного тела.

Я боялась поднимать глаза выше на его лицо, потому что, без всяких сомнений, приравняла данную галлюцинацию к слабоумию, причиной которого послужил пережитый мной за последние несколько дней стресс.

Мой взгляд замер на треугольнике обнаженной кожи под его шеей с едва заметными краями до боли знакомых татуировок на ключицах. Когда взгляд поднялся выше, я увидела его кадык, острый подбородок и, наконец, косые скулы, один вид которых излучал власть и могущество. Сжатые скулы.

С трудом поднимая взгляд выше, я увидела два синих сапфира, обрамленные густыми и черными ресницами, и погибла.

Передо мной стоял Брэндан, и он не просто выглядел здоровым, он выглядел живее всех живых. Его энергетика про-

стиралась на всю темницу и буквально избивала меня силой, которая исходила от него. И сила эта была пропитана злостью и гневом.

– Брэндан... – меня трясло, я приложила тыльную сторону ладони к щеке и обнаружила, что она холодна, как лед. Я не знала, что мне делать, не знала, как воспринимать этот сон, посланный моим больным воображением.

Не раздумывая больше ни секунды, я сделала шаг к нему, чтобы кинуться на его сильную грудь и плакать на его плече до тех пор, пока он не сожмет меня в своих стальных объятиях.

Господи, я так этого хотела.

Каким бы ни был странным этот сон, главное, что он был таким реальным и живым... таким естественным, будто Брэндан и правда стоял передо мной, сотворенный из плоти и крови. Только я хотела в этом убедиться.

– Стоять, – прервал мой порыв он, показывая мне открытую ладонь коротким движением. Я замерла, вглядываясь в каждую черточку его лица.

Его голос звучал так же, как и прежде. Еще никогда мне не снился настолько реальный сон... каждое его движение и слово зарождало во мне смутную надежду на то, что все, что происходит, реально.

– Брэндан, ты жив? Господи, прошу, скажи мне, что все это не сон! – не выдержав, прокричала я, закрывая лицо руками.

– Меня оказалось не так просто убить, как ты планировала. Не правда ли, Камелия? – низким рокотом отозвался он. Когда он говорил так, каждый волосок на моем теле вставал дыбом. Только так он говорил, когда был со мной наедине. Только таким тоном Брэндан говорил, когда наши тела сгорали, отдаваясь друг другу.

Камелия.

POV Брэндан

Я думал, что первое, что я сделаю, когда ворвусь в темницу и увижу эти бесстыжие карие глаза, я прижму ее к стене и просто вытрясу из этой девушки всю душу. Одним рывком и без прелюдии.

Мечь, тягучая, горячая, разливалась по крови, заполняя меня до краев. Она – опасность.

Она – та, что вспорола мне грудь и достала сердце.

Она первая, кому я открылся, после стольких смертей, что мне пришлось перенести.

И эта девушка предала меня. Самым диким и наглым образом. Искусно хитрым, ненавязчивым способом, она нашла мое слабое место и попала точно в цель.

Но дверь открылась... и я замер, когда увидел ее крохотное, незащитное тело, прижатое, к каменной стене. Камелия не могла дышать, и на моих глазах ее кожа приобретала зеленовато-синеватый оттенок. Она смотрела на меня так, будто видела приведение, которое пришло покарать ее душу.

Она была облачена в платье, тоже что и на церемонии в честь моей помолвки, волосы собраны заколкой в виде цветка, и они не мешали мне рассматривать ее черты, пропитанные тоской и болью. *По мне?*

Как-то она уже пыталась прикинуться хорошей актрисой, и у нее это плохо вышло, но в этот раз все выглядело по-на-

стоящему. Настолько, что это помешало мне притронуться к ней. Потому что я не знал, правда не знал, что произойдет дальше. Мне казалось, что, если я хоть пальцем притронусь к ее коже, произойдет одно из двух: либо я убью ее, либо сожму в своих руках, а с моих губ будут срываться такие обещания, о которых мне даже подумать страшно.

– Меня, оказалось, не так просто убить, как ты планировала. Не правда ли, Камелия? – я тщательно ловил ее реакцию, пытаюсь поймать на лжи и неискренности, но она выглядела такой... нет, не сломленной. Она выглядела так, будто в нее только что вдохнули новую жизнь, но она в это не верит.

Камелия закусила полные губы, от чего ее впалые щеки втянулись – за эти несколько дней она сильно похудела, но это не делало ее менее красивой. Только более хрупкой и нежной. Слабой девушкой, которую хотелось оберегать, а не нападать на нее с криками и претензиями, выпытывая причины, по которым она хотела убить тебя.

Красивая.

Я сжал скулы так, что аж зубы свело, чтобы на моем лице, не отобразилась ни одна из только что пролетевших в голове мыслей. Я никогда больше не буду доверять ей. Как бы она себя не вела, чтобы она не говорила, факт остается фактом, она пошла против меня, а значит я вынужден просто запретить себе что-либо чувствовать к этой женщине, продолжая забавляться с ней, пока не переключусь на другую.

В конце концов рано или поздно страсть к ней спадет и я

остыну. Так было всегда и так будет снова. Просто на этот раз мое вожеление затянулось, и даже сейчас, глядя на ее подрагивающие полные губы, я вспоминал горячие картины нашего прошлого.

То, как плотно эти губы обхватывают мой член. То, с каким желанием она принимает в его свой теплый рот... рот моей грязной девочки.

То, как она ласкает его языком, высасывая из меня все до последней капли.

В первый раз после того как очнулся, я почувствовал, как мой член болезненно запульсировал, и совершенно не вовремя. В который раз мое тело бессильно перед желанием обладать этой девушкой и эта ахиллесова пята убивает меня, делая чертовски уязвимым.

– Убить тебя, Брэндан?! Убить?! Ты думаешь этого я хотел?! – ее карие глаза взглянули на меня с осуждением, и я с малой долей бешенства наслаждался ее детским возмущением. Меня слишком сильно заводит ее злость.

– Ты унизил меня! Ты...

– Разве это унижение? – с издевкой спросил я, проводя языком по внутренней стороне своей щеки, будто невзначай. На ее лице тут же отразилась боль, будто я ударил ее под дых. – По-моему тебя все устраивало и тебе это нравилось. Даже слишком сильно нравилось.

– Ты... что ты говоришь такое, Брэндан?! Это... ты? Ты сказал, что выходишь за другую... знаю, с моей стороны бы-

ло глупо на что-то рассчитывать, но ты преподнес все так... так ужасно, что я... да, в порыве злости я добавила яд в тот напиток, **НО Я НЕ ХОТЕЛА ТЕБЯ УБИВАТЬ!** Я и сама пила этот яд и знала, что от одной капли тебе ничего не будет... это был просто порыв злости... но потом, когда я прочитала твое письмо...

Сначала я остановил ее рукой, дав понять, что больше не намерен слушать ее жалкие, слезливые оправдания. *Порыв мести... порыв злости... что она несет?*

Только король имеет право на такие порывы. Она, черт возьми, женщина, она должна была меня убедить в том, что мне нужна только она, любым другим способом. Она ведь была к этому так близка... я посвящал ей гребанную музыку, я приоткрыл ей дверь в свое ледяное сердце... как, черт возьми, можно было всего этого не заметить и не понять, что мне действительно нужно?

Я питался эмоциями, которые возникали во мне, стоило мне только взглянуть на ее дрожащие от душевной боли губы. Как наркоман в погоне за дозой, как вампир, выслеживающий кусок плоти с наивкуснейшей кровью.

– Какое письмо? – прервал я ее всхлипы, не совсем понимая о чем речь. Я не писал никакого письма.

– Я нашла на полу... вырванный листок из твоего дневника. В день приема я прочитала его... и...

Гнев вспыхнул внутри меня с новой силой. Я почувствовал, как с шумом выдыхаю его через ноздри, воспаляясь

с каждой секундой.

Она не просто полезла в мою душу, она нагло вскрыла мою грудную клетку, не позаботившись об анестезии.

– Значит одного предупреждения тебе было МАЛО?! – рывкнул я, наблюдая за тем, как она уменьшается под моим давлением. Она обхватила свои предплечья руками, превращаясь в маленького ребенка, которого я собираюсь наказать за непослушание.

Но Камелия – не ребенок. Она должна понимать, что поступила гадко по отношению ко мне, ведь я и сам не помню, что тогда настрочил в пьяном бреду.

– Брэндан, прошу... зачем быть таким, теперь? Теперь, когда ты чудом оказался жив. Сейчас, когда я знаю о... твоих чувствах.

Я пытался сохранять самообладание, но мои руки чесались – хотелось избить эти каменные стены до тех пор, пока я не пробью в стене дыру или не нанесу себе серьезный урон. Ибо то, как она пробиралась под мою кожу, было чертовски... страшно. Больно. Она делала это таким изощренным способом, что я и понятия не имел, как позволил себе дать этой хрупкой девушке такое оружие против себя самого.

– Каких, на хрен, чувствах?! Ты издеваешься?! Мне тебе напомнить, кем ты себя возомнила, чужая?! – закипел я, вкладывая в каждое слово, разрушительную силу своей ярости.

А потом Камелия набрала в легкие побольше воздуха,

расправила плечи и поправила шелковые волосы в нервном движении.

– *«Камелия... Если бы она только знала, что я к ней чувствую»*, – чужим голосом тихо заговорила девушка, прикрывая свои веки. – *«Каким слабым она меня делает... как подставляет себя под удар, влюбляясь в меня...»* – Камелия шептала это так, будто на изнанке ее век она видела то самое письмо, которое я настрочил в пьяной агонии.

Каждое слово будто бы слетело с моих губ, потому что оно звучало именно так, как будто я мог его написать.

Осознание того, что она цитирует всю правду, свело меня с ума, с каждой секундой мне было все труднее себя сдерживать, но она продолжала шептать и шептать, причиняя мне нетерпимую боль...

– *«Ее любовь по кусочкам меняет мою душу и все внутри против этого. Словно она – болезнь, с которой мой организм всегда будет бороться»*, – она шепчет и шепчет до тех пор, пока по ее щекам градом не льются слезы.

Меня кружит, кружит настолько, что тошно. Эта девушка вколачивает в меня нож и вертит им, делая меня таким уязвимым. Черт бы ее побрал.

– *«Я умру, если потеряю ее. И я не должен ей...»* – она начинает плакать навзрыд, ее лицо искажается от того, что ей тоже слишком больно. Потому что все между нами – слишком сложно, и это те отношения, которые нельзя разрешить

одним разговором.

Это те отношения, из-за которых разгораются войны, и меняется ход истории, потому что мы оба, как два реактива, которые при соединении дают смертельный взрыв.

И он происходит.

Сам не понимаю как, но уже через секунду я с рыком прижимаю ее к стене. Мои кулаки едва не пробивают стену по обе стороны от ее головы.

– ЗАТКНИСЬ, Я СКАЗАЛ! Сука... это ж надо быть такой... сукой, – другого наиболее подходящего слова у меня не было. – Все это – ложь. Это не я писал.

– Брэндан, ну, почему ты обманываешь самого себя... это был ТВОЙ почерк, ТВОИ мысли... почему ты просто не можешь признаться мне?

Потому что ты дрянь, которая пыталась меня убить и которой я не хочу больше доверять.

– Потому что эти слова – плод твоего больного воображения, девочка. – Камелия смотрит на меня испуганными глазами, пока я обдаю ее своим горячим дыханием и дрожит напротив моего тела.

Оно мгновенно прогревается от моего жара, и я чувствую... чувствую, что если прижмусь к ней еще ближе, то почувствую, ее соски, даже через ткань бархатного платья.

Не удержавшись, я прижимаюсь к ней ближе, позволяя ей ощутить себя. Наши тела дрожат, соприкасаясь друг с другом, и это настоящая пытка – быть так близко к ней вновь.

В ноздри ударяет аромат ее тела, ее страха и возбуждения. Настолько сильный, что мне хочется потрогать ее киску и убедиться в том, что она достаточно увлажнена и готова принять меня.

Черт...

– Это не так... ты их написал! – в отчаянии кричит она, поднимая руки над своей головой, будто добровольно хочет сдаться. Я сжимаю ее запястья, ощущая, какие они хрупкие. Я мог бы переломать ей кости в два счета, если бы захотел. – Брэндан...

– Хватит! Иначе мне придется принять крайние меры, чтобы закрыть твой грязный рот! – выругался я, сцепляясь с ее взглядом. – Неважно что ты читала, наивная ты, сучка. Это все, считай, в прошлом. До того, как ты меня отравила, ясно?! Теперь я вернулся. И вернулся другим, как будто снова побывал в Адинбурге. Спасибо, что помогла мне вспомнить себя настоящего, а не стать размазней, подышающей от этого дебильного чувства!!!

Все мое тело сжалось, когда я чуть не назвал вещи своими именами.

– Вот чего ты боишься? Ясно, Брэндан. Мне все ясно...

– Ничего тебе не ясно. Ты не знаешь, на что я способен, когда в мое прошлое пытаются засунуть свой маленький любопытный нос.

Что я еще мог написать в этом письме? Как много там написано о моих чувствах? Какие еще слабые стороны я рас-

крыл, когда написал эти чертовы пьяные строки?!

Камелия опустила взгляд, и на секунду мне показалось, словно она вот-вот потеряет сознание. Она вела себя странно... ее ноги подкосились, и мне пришлось крепче придерживать ее запястья, сжимая до боли.

И тут я вспомнил кое-что еще. Одну маленькую деталь, которая за раз выбила из моих легких весь воздух.

Ее слова, которые она сказала в последний наш вечер. О том, чтобы бы было с нами, если бы она носила моего ребенка...

Я должен узнать правду прежде, чем меня занесет и я начну медленно сжигать ее душу.

Сердце остановилось, когда я допустил в мыслях то, что она может быть беременна от меня. Мой взгляд упал на ее полную грудь, и я вдруг резко прижался к ее телу еще сильнее – мы соприкоснулись лбами, животами. Мой член прижался к ее бедрам, становясь еще тверже.

Все мое тело стало болью, когда я задал вопрос, который автоматически слетел с моих губ:

– Ты беременна от меня? – на выдохе спросил я, и наши носы соприкоснулись. Даже с закрытыми глазами, я чувствовал, как она дрожит всем телом, включая губы и даже залитые слезами ресницы.

Девушка молчала, тяжело дыша. Я только чувствовал, как она таяла, непроизвольно раздвинув ножки, позволяя мне сильнее вжаться в ее хрупкое тело. Черт возьми, я бы взял

ее на этом каменном полу, если бы не игра, которую я с ней затеял.

Если бы это не было доказательством того, что я чертовски зависим от этой девушки.

– Говори! – проревел я прямо в губы пленницы. Я провел над ними языком, не касаясь их. Выпрашивая правду, умоляя о том, чтобы она не соврала мне. Я почему-то знал, что она скажет мне правду, а если соврет – я тут же это почувствую.

О таких вещах... нельзя врать.

– Ты беременна, маленькая? – мое сердце разорвалось на части, когда я выдавил этих три гребанных слова. Они делали меня таким слабаком, что я чувствовал, как скоро мной будут подтирать тронный зал в собственном замке. Ужасно. Что эта ведьма со мной делает...

– Брэндан... нет! Я не беременна! – она уперлась руками в мою грудь и тяжело задышала. – Тогда я просто проверяла тебя. Ждала, ждала проявлений твоей человечности, но ты так и остался... жестоким, бессердечным говнюком, и вот честно, именно сейчас мне очень жаль, что ты не слег от капли моего яда! Если у меня хоть еще раз будет такая возможность, я буду травить тебя, пока не увижу... – она осеклась, не в силах говорить дальше. В ней кричала злость, обида и боль, и она сама не отдавала себе отчет в произнесенном.

Я глухо рассмеялся, делая свой смех до безобразия злорадным и издевательским.

Она не беременна.

Не знаю, что я чувствовал.

Пустоту.

Я и сам не знал, какой ответ я хотел услышать больше. Но в итоге... она дала мне правдивый ответ, который склонял меня только к одному решению: продолжить эту игру, и теперь настал мой черед.

– Ты уже видела смерть в моих глазах, – я еще раз ударил кулаком в стену, заставляя ее зажмуриться. – Ты ведь этого добивалась? Откуда мне знать, что ты не посланница моих врагов, которая решила убить меня?

– Думай, что хочешь Брэндан. Я... Боже, я умирала все эти дни, когда думала, что ты погиб. Я... ты просто чертов слепец, если думаешь, что я способна была причинить тебе вред!

Она бьет мою грудь кулаками, задыхаясь в истерике. Я вижу, как она сломлена. Она действительно сломлена. Мой интерес начинает медленно угасать, когда я вижу ее слезы.

– Я недооценил твои актерские способности, – я схватил ее за руки, останавливая удары девушки. – Знаешь, у меня есть друг и он отдал бы мне много денег за такую сладкую актрису, как ты.

Я глухо рассмеялся, наслаждаясь эффектом от произнесенных слов. Но остановиться я не мог. Чудовище, которое поселилось во мне в день, когда я был отправлен в Адинбург, полностью захватило мой разум.

– Что? Объясни мне... зачем я нужна тебе здесь? Зачем ты вернул меня, если так ненавидишь? Из-за мести? Это то, чего ты хочешь, Брэндан?

Я не знаю, чего я ждал. Я хотел, искренне хотел, чтобы она остановила зверя внутри меня, но она не знала, как это сделать. Она кричала. Камелия истерила. Она совершала слишком много ошибок...

Впервые за все время нашего знакомства, я засомневался в ней. Я подумал о том, что мне нужно ее отпустить, потому что она недостаточно сильна, как я предполагал.

Ей не хватит сил на то, чтобы исцелить мою душу, несмотря на огромный потенциал, которым она обладает.

Наверное, я в ней ошибся. И все это – было зря.

Глава 5

POV Камелия

Я была зажата между стеной и Брэнданом, близость которого опьяняла.

Если раньше я пыталась противостоять ему, то теперь... его мнимая смерть настолько меня подкосила, что я никак не могла собраться с мыслями. Я не могла дать ему отпор, не могла взмахом руки снести корону с его головы... а следовало бы.

– Да, это то, что я хочу. Начать с того момента, где мы остановились. Помнишь? Ты – вещь короля. Короля, у которого есть невеста. – Брэндан наклонился к моему уху, бережно прижавшись к мочке. В следующий миг он уже грубо прикусил ее, слегка оттягивая. Я сжала бедра в надежде на то, что это поможет унять мое возбуждение, но ничего не вышло: я только сильнее почувствовала его твердую теплоту, направленную на мои бедра и живот.

– Беда в том, что невеста меня не привлекает, – хриплым голосом прошептал Брэндан. Наглым движением он сжал мою талию и быстро перешел к груди. – Меня привлекает девочка, которая не любит слушаться, чтобы быть жестко оттраханной. От его слов меня бросает в жар, и я жадно ловлю

ртом воздух, как русалка, выброшенная на берег.

– Брэндан, хватит меня пугать...

Но этого мужчину не волнует мой ропот. Его ничего не волнует, кроме моей груди, на которую он поглядывает вот уже несколько секунд.

– Тебе пугает, что в следующий раз я зайду слишком далеко? – Брэндан наклоняется к моим ключицам и, прокладывая дорожку из укусов, добирается до моих полушарий, выпирающих из тугого корсета и декольте. – Правильно. Бойся.

Рывком опустив ткань вниз, он освобождает мою грудь от тяжести ткани и, сжимая ее в ладоне, мнет – грубовато, но это даже приятно. Его власть надо мной не имеет границ, но еще больше меня убивают не его действия, а слова принца...

– Твоя сливочная кожа... Камелия. Твои упругие сисечки будут скрашивать мою жизнь в браке. Ты будешь моей фавориткой, а это большая честь. А знаешь, что самое забавное в этом? Твое лицо.

Наши взгляды встречаются и я вижу его наглую, убудскую ухмылку. Честное слово... вся любовь к Брэндану испаряется в один миг. В эту секунду душой я его ненавижу. Тело гудит от потребности, когда чувствую его уверенные пальцы на своих сосках. Его движения плавные и дразнящие – такие, что хочется лечь прямо здесь и отдаться любым его ласкам.

– На твоём лице написано, как ты хочешь меня. Я говорю тебе гадости, а ты все равно течешь, как грязная девоч-

ка. Моя грязная девочка... – Брэндан наклоняется еще ниже, и вот я чувствую, как его губы обхватывают мой сосок. Он играет с ним языком, то всасывая меня в рот, то нежно поглаживая... я чувствую, бедра становятся влажными от желания, но счастлива, что платье достаточно длинное, чтобы прекрасно это скрыть.

Я таю от его языка, рук и слов. Я уничтожаю саму себя, позволяя принцу вытворять со мной это, и не знаю, что делать дальше.

– Я думаю, ты надоешь мне даже быстрее, чем я предполагал. – он с превосходством глядит на то, как я откликаюсь на его ласку. С моих губ срывается стон, и я понимаю, что у меня есть только два выхода из этой ситуации.

Собрав всю силу в кулак, я расправляю плечи, и толкаю его в грудь, а потом со всей силы бью по лицу, наслаждаясь этим чувством. Я чувствую, что могу за себя постоять.

У Брэндана даже голова не пошатнулась – навряд ли мой удар можно назвать сильным.

Тем не менее, этот удар выводит его из сексуальной агонии и снова возвращает в ненависть, которой он живет.

Он делает шаг назад, оглядывая меня с презрением.

– Что ж, ты сама облегчила мне выбор, и теперь я знаю, что с тобой делать. Ты ответишь за все, прежде чем начнешь умолять меня о смерти. – в его голосе не было ни обиды за пощечину, ни злости. Лишь горный хрусталь – пустой и бессердечный, как и душа этого чудовища.

– Я помню то, что ты уже давно не невинна. Помню, как ты закрывалась ночью с мужчиной, и это был НЕ Я, – он нарочно выделили последние два слова. – Мою ласку ты не принимаешь, судя по тому, что бьешь по лицу. Что ж, пусть тебя ласкают другие мужчины, я с удовольствием погляжу на то, как ты будешь перед ними унижаешься. *Sordida puella*.

Брэндан сверкнул синевой своих глаз, резко развернулся и покинул темницу, захлопнув дверь с грохотом.

Я стояла, пытаюсь унять дрожь, и не понимала, как всего за полчаса все может так измениться?!

Из любимого мной человека, он вновь превратился в жуткого зверя, которого я знать не хочу.

Которого я боюсь.

И я не понимаю, что я сделала не так... обхватив себя руками, я скатываюсь по стене, заливаясь горькими слезами.

POV Брэндан

Я протянул руку к стакану воды перед собой и замер. Весь мир был где-то вдалеке, пока я не мог совладать с собственными чувствами и мыслями. Мне казалось, что если я сейчас посмотрю на присутствующих в зале, не выдержу и накинусь с кулаками на любого.

– Ваше Высочество, Ваше мнение по данному вопросу? – вежливо спросил один из моих советников. Кажется, это я созвал собрание, на котором мы должны обдумать наши дальнейшие действия в войне с парламентом. Мне надоело, что кровавую войну в Европе называют моим именем, но я знал, что волну ошибочных мнений и слухов уже не остановить. Нужно что-то грандиозное, яркое, запоминающееся. То, что поразит людей прямо в сердце, но таких козырей у меня в рукавах не было.

Сейчас люди так несчастны, что они не станут искать правду – им удобно обвинить того, кого обвиняют все.

Но сейчас я не мог думать о стране, о своем долге. Я даже толком и не понимал, по какому вопросу лорд Блейк хочет выслушать мое мнение.

Виски сдавило, когда в голове я услышал настойчивый голос Камелии, которая читала строки моего письма, в то время как по ее лицу текли настоящие, неподдельные слезы.

Я не должен ей верить.

– Брэндан, ты молчишь уже три минуты, скажи что-нибудь... – тихо прошептал мне на ухо Джейсон и ткнул меня локтем в бок. Я чувствовал себя как в детстве на занятиях по латыни: я частенько забывал выучить нужное количество новых слов и получал выговор от преподавателя.

Поставив стакан с водой обратно так и не отпив, я вдруг резко встал и, не глядя ни на кого, направился к выходу.

– Все переносим на завтра, – коротко отдал приказ я, не обращая внимания на ответный гомон взволнованных голов.

Я медленно иду ко дну, позволяя *ей* занимать мои мысли. Вчера, покинув темницу, я отдал приказ продержать ее там еще пару дней, а потом вернуть в комнату, где она жила ранее.

Как-то я уже пообещал ей, что буду относиться к ней как к вещи.

Я ждал. Я был терпелив.

Но даже этому приходит конец – такое отношение она и получит, особенно теперь, когда я знаю на что она способна.

Джейсон бы посоветовал мне просто убить ее и был бы прав, но... я не мог. Я бы не смог смотреть на то, как из ее груди вырывается последний вдох. И я не хотел себе в этом признаваться.

Ноги сами несли меня вперед, я скитался по прохладным коридорам замка в абсолютном одиночестве, боясь каждого отражения в зеркале. Потому что в отражении я видел свой

собственный дикий и голодный взгляд, который был предназначен только одной девушке.

Так больше продолжаться не может. Через пару дней я запугаю ее настолько, что она наконец сломается.

Нужно что-то, что поможет мне навсегда остыть к ней. Перестать желать обладать моей женщиной.

Черт, даже в мыслях я называю ее «*моей*».

Мне необходимо вырвать ее из сердца, полностью, с кровью и корнем, чтобы она больше не посмела прорасти там, как ядовитый цветок.

* * *

Я заранее зажал кольцо зубами, чтобы шлюхи не прикасались к нему. Пустым взглядом уставившись в одну точку – картину на стене, я прислушивался к шуму воды, чтобы не обращать внимания на тихие стоны и вздохи своих наложниц.

– Ваше Высочество, Вы такой сильный... – Изабелль, которую я трахал бесчисленное количество раз, уже несколько дней применяет эту тактику соблазнения. С тех пор, как в замке появилась *одна заноза*, она осталась без дела. И если раньше меня интересовал хотя бы ее рот, то теперь он не вызывал во мне ни капли желания.

– Работай молча, – отрезал я, чувствуя как руки девушки намыливают мою грудь. Это было бы приятно, если бы мой

мозг не раздувался от гребанных мыслей, которые не то что трахаться... спать мешают.

– Вы пережили слишком много стресса за последнее время. Мы можем Вам помочь... вдвоем... как раньше... помните? Одновременно, – нежно протянула на ухо другая девушка – ее рыжие волосы щекотали мою шею, но ее имени я не помнил. Той ночью я их обоих называл «Изабелль».

– Вам будет очень хорошо, – хихикнула она, лаская мои плечи своими нежными руками. Выдохнув, я постарался вытряхнуть весь мусор из головы. Например, большие карие глаза и то, с каким любопытством они вечно меня рассматривают...

Выкинуть. Выкинуть. Выкинуть.

– Ты так думаешь? – на моих губах появилась злобная усмешка, но девушки только оживились: они были явно счастливы, что я не проигнорировал их намеки. Изабелль опустила руку под воду, поглаживая мой пресс.

– Позвольте показать Вам, на что мы способны. Вы будете не разочарованы, Ваше Высочество, – похотливая ручка Изабелль без всякого стеснения опустилась ниже, и я знал, что нужно расслабиться.

Просто выкинуть из головы.

Камелия просто шлюха и я ничем ей не обязан. Я уже целовал другую девушку после нее и пора перейти и другую черту.

Входная дверь хлопнула. Какого черта? Охрана совсем пе-

рестала выполнять свои обязанности... я повернул голову, чтобы рассмотреть незваную гостью. Ах, да, как я мог забыть о своей красавице-невесте. Скарлетт решила к нам присоединиться.

– Ваше Высочество, – девушка поклонилась мне, а потом обратилась к шлюхам. – Оставьте принца наедине с его невестой.

Изабелль один и Изабелль два посмотрели на меня, надув губы. Я не хотел позволять Скарлетт командовать, но в глубине души я был рад, что она избавила меня от бессмысленного секса с этими потаскухами.

– В другой раз, девочки, – я вскинул бровь и проследил за тем, чтобы они хорошо закрыли за собой дверь после ухода.

– Зачем ты пришла? – небрежно спросил я, встав в ванной. Я тут же поймал на себе томный взгляд янтарных глаз Скарлетт. Девушка была облачена в легкое платье, и она явно не потрудилась надеть на себя нижнее белье – ее соски вызывающе просвечивали через шелковую ткань.

– Мне было интересно увидеть тебя таким... ммм... мой король, – нежно пропела она, подкрадываясь ко мне ближе. Я тем временем, совершенно не стесняясь, отошел к креслу и шкафу с вещами. Сняв с крючка темно-синий халат, я накинул его на плечи и завязал на поясе – мне не хотелось, чтобы Скарлетт рассматривала мою спину.

– Вас. Ты должна говорить Вас, – поправил я, присаживаясь в кресло. Скарлетт продолжала приближаться ко мне со-

блзнительной походкой. Ее сочные бедра слишком сильно раскачивались при ходьбе, но это было довольно сексуально.

– А то что? Вы накажете меня за непослушание? – теперь девушка была на расстоянии вытянутой руки, я взглядом приказал ей опуститься на колени, что она и сделала. Я не любил, когда на меня смотрели сверху вниз.

«Я хочу видеть твои глаза...» – проносится в голове голос Камелии, оседлавшей мой член. Она осмелилась сделать это тогда, на столе, и выглядела в таком ракурсе великолепно. Черт, только от одного этого воспоминания мой член затвердел, умоляя меня об освобождении.

Но рядом была не та девушка. Но она была здесь и сейчас, под рукой, и всего за несколько минут я мог бы расслабиться и прекратить эту чушь в своей голове. Я должен был сделать это, чтобы убедить себя в том, что Камелия не имеет для меня никакого значения.

В конце концов, Скарлетт может быть очень даже хороша и рано или поздно мне все равно пришлось бы узнать это. Может быть, этот момент настал.

– Ты хочешь наказания? – не в моих правилах отвечать вопросом на вопрос, но я отчаянно тянул время.

Скарлетт, стоя передо мной на коленях, взялась за кромку своего платья и потянула его вверх. Под ним она была полностью обнажена, как я и предполагал. Под шелком она прятала безупречную юную фигуру, от которой бы не отказался ни один нормальный мужчина.

– Я хочу быть Вашей, Ваше Высочество. Полностью. Я уже Ваша, – с придыханием заверила меня она, слегка поднявшись. Девушка положила руки мне на плечи, и мысленно напомнив себе про свой план, я с охотой прижал ее к себе, усадив на колени. Она обняла меня стройными ногами, но мое дыхание осталось абсолютно ровным.

Пустота. Равнодушие. Вот все, что чувствовала моя душа.

Все слишком легко. «Я уже Ваша». Я бы зевнул от скуки, но боюсь, что эта саранча тут же залезет языком в мой рот.

– Почему Вы молчите? Ваше Высочество... я так хочу Вас. Я хочу, чтобы вы делали со мной, что угодно... – ее рука прошла по открытой от ткани моего халата груди и медленно опустилась ниже.

Я сжал зубы. Все внутри кипело. Я злился, но уже на самого себя. Злился, что не могу просто трахнуть эту идиотку и все.

Это навсегда поставит точку в моих чувствах к Камелии, и я пойму, что между нами нет ничего больше, чем игра на выживание и страсть.

За этой игрой не стоит ничего большего. По крайней мере, того, о чем я ей якобы писал...

– Ты должна заткнуться, – угрожающе прошипел я, хватая Скарлетт за бедра. Я был намерен все сделать быстро. – И никаких поцелуев. Я не люблю все эти нежности. Просто прыгай на моем члене, пока я в тебя не кончу, – безжизненно

произнес я и посмотрел ей прямо в глаза.

– Любой Ваш каприз, – покорно прошептала Скарлетт, проглотив обиду.

Усилием воли я напряг воображение и представил вместо этих лисьих глаз другие – слегка раскосые карие. Другие черты лица, и поглядев на шею, я представил на коже родинки, как у Камелии. У нее было пять родинок на шее. Она не замечала, но мне нравилось их целовать.

Еще никогда я так упорно не фантазировал, чтобы возбуждаться достаточно сильно.

Но стоило мне вспомнить хоть один из ее стонов мне в ухо, как мой член уже был готов.

Для другой девушки.

Дороги назад не было, и я был рад, что наконец избавлюсь от этого груза.

Сейчас я взял в руки инструмент, который с легкостью искоренит *эту заразу* из моего сердца.

Глава 6

POV Кенна

Я понимала, что Брэндан будет мстить. Но это не пугало меня так сильно, как мысль о том, что человек, который занимается все мои мысли, испытывает ко мне такую неприязнь, что позволяет себе со спокойной душой причинять боль.

Наносит рану за раной... Брэндан виртуозно расставляет капканы, в которые я каждый раз попадаю.

Он обнимает меня, когда на ухо шепчет о ненависти.

Он нежно целует, в то время как его руки грубо гуляют по моему телу.

Каждую секунду он заставляет меня сомневаться абсолютно во всем: в его словах, в его чувствах, в его поступках. Я словно элемент для его жестокой игры, в которой он проверяет меня на прочность и сколько боли я еще могу вынести.

Мои чувства стали напоминать мне огромный запутанный ком в груди, и я не знала, за какую нить потянуть, чтобы наконец от него избавиться.

Я хотела его ненавидеть. Хотела ненавидеть за то, что он угрожал, усомнился в моей верности и запер здесь как ненужную вещь, которую нужно держать подальше от посто-

ронных глаз.

И в то же время я таяла, когда вспоминала, как приятно было ощущать его тело так близко. Как сладок был его шепот, от которого мои ноги подкашивались за секунду.

Ты беременна, маленькая?

От одной этой фразы, в которой звучало столько невысказанного: и забота, и нежность, и боль от предательства, меня бросало в жар.

Как этот человек может одновременно называть меня «маленькая» с такой интонацией, а в следующую минуту уже заявлять, что он хочет, чтобы я умоляла его о смерти?

Я поежилась, еще раз прокручивая все что произошло в голове.

Господи, он был жив.

Еще несколько дней назад это было все, о чем я мечтала и просила, а теперь... мне страшно. Я боюсь неизвестности, которая меня ждет, потому что знаю, что от Брэндана можно ожидать чего угодно.

Я потеряла счет времени – знала только то, что нахожусь в темнице уже несколько суток. Еду мне приносили, пока я спала свернувшись комочком в углу. Я всегда отворачивалась к стене, чтобы никого не видеть. Я знала, что бессмысленно просить об освобождении, да и не хотела, чтобы меня кто-то трогал.

Почти не притрагиваясь к еде, я только и делала, что спала и лежала, думая о том, что ждет меня дальше и не пора ли

закатить новую истерику и попроситься в душ.

Но я боялась того, что, как только я выйду из темницы, станет еще хуже. Я буду в личном пользовании Брэндана и он снова начнет наносить мне раны, от которых прекрасно защищала темнота и сырость темницы.

Да, здесь мое тело испытывало муки, но моя душа была в относительной безопасности.

От боли.

Наконец дверь распахнулась и в этот момент я не спала. Я сразу узнала на пороге Даниэля и с головой окунулась в воспоминания о Мэри.

Как она? Что с ее ребенком? Мне бы так хотелось задать эти вопросы ей, но понимала, что едва ли могу на это рассчитывать.

Я же вещь. Я даже не фрейлина, не компаньонка сестры принца. *Я предательница.*

Брэндан наверняка поделился с Мэри версией о том, что это я пыталась его отравить. Разве после этого я смогу смотреть ей в глаза?

– Здравствуйте, леди, – объявил Даниэль, глядя на меня с легкой улыбкой. – Приказ принца держать вас в темнице отозван, с сегодняшнего дня вы продолжаете свое пребывание в замке, только теперь уже в личных покоях. Также принцесса Меридиана ждет вас у себя в комнате.

Он оглядел меня с ног до головы, смущая. Я встала с холодного пола и расправила плечи, пытаюсь казаться не слом-

ленной. Настолько, насколько это возможно.

Мысль о том, что Мэри хочет меня видеть согревала сердце, и я даже перестала мерзнуть от постоянной сырости и холода, которыми славилась темница.

Я просто кивнула – без лишних слов и истерик. На самом деле я все еще пребывала в легком шоке от того, что испытала за последнюю неделю – сначала смерть Брэндана, потом его чудесное выздоровление, которому я бы очень хотела знать объяснение. Пока я не общалась с людьми, я даже несколько раз ловила себя на мысли, что все это мне привиделось.

Что я настолько хотела, чтобы он вернулся, что представила его себе сама. И пусть с его жестокостью, грубостью и угрозами, но представила, да так ярко, что до сих пор чувствую его запах.

– Это приказ, – пояснил Даниэль, застегивая на мне наручники. – Я должен буду одевать их всегда, за исключением минут, когда вы кушаете или принимаете ванную. Или любой другой гвардеец. Это приказ принца...

Я задрожала, чувствуя ледяную душу сталь на своих запястьях. Вот оно что. Брэндан решил расставить границы и еще раз показать мне, кто я такая – вещь, чьи человеческие чувства не стоят оценки и свободы. Он решил привязать меня, как собачку, не хватает только будки и поводка... *жемчужного.*

– Сними это немедленно! – я посмотрела на Даниэля с

раздражением, собираясь противостоять до тех пор, пока он не снимет с меня эти мерзкие оковы.

– Леди, поверьте, – вдруг шепотом заговорил он, нервно оглядываясь по сторонам. – Я просто выполняю приказ. Брэндан ясно дал понять, что если вы будете вести себя слишком активно, то он сделает вам еще хуже. Вы должны быть благодарны... за то, что больше не будете ночевать в темнице. Поэтому, прошу, не создавайте проблем ни мне, ни себе. К тому же, Меридиана ждет вас, – он взглядом указал мне путь, ведущий к выходу из подземелья.

Еле сдержав ругательства, вертевшиися на языке, я медленно побрела в сторону выхода, закипая от злости. От очередной порции унижения.

Я невольно подумала о том, что это я – принцесса. Теперь я не грязная девка, не грязнокровка, не кто-либо еще, а я королевской крови. Да только Брэндан об этом не знает, и честно говоря, я не хочу, чтобы он знал...

Очевидно, он женится на принцессе крупной европейской страны, но не на принцессе Франции, и делает это только потому, что в ее жилах течет голубая кровь. Я же не хотела, чтобы его отношение ко мне зависело от глупого набора генов и высокого уровня «благородства» в крови.

Я хотела, чтобы все было иначе. Чтобы он понял и разобрался в своих чувствах сам, а не изменил отношение ко мне, только потому что я – принцесса.

Поэтому пройдет еще очень много времени прежде, чем

я попытаюсь рассказать ему эту правду о себе. Может быть, несмотря на все, что я к нему чувствую, он не достоин этого знать.

– Мэри очень скучала по тебе, – вновь тихо заметил Даниэль, когда мы подошли к уже до боли знакомой мне двери, которая принадлежала принцессе. Я увидела морщинки доброты в глазах Даниэля и слабо улыбнулась в ответ.

Сейчас я была слишком зла, чтобы искренне улыбнуться тому, кто надел на меня наручники.

– Не настолько, чтобы уговорить брата, – я выразительно посмотрела на наручники перед собой и шагнула за приоткрытую гвардейцем дверь.

Я не была в этой комнате чуть больше недели, но мне казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как мы с Мэри в последний раз разговаривали. Несмотря на это, как только я заметила копну рыжих волос у туалетного столика, я мгновенно оттаяла и собиралась уже раскрыть руки, чтобы заключить принцессу в свои объятия.

Но наручники помешали мне это сделать, поэтому я просто прохрипела ослабевшим от голода голосом:

– Мэри...

Меридиана тут же повернулась, оторвавшись от собственного отражения. Выглядела она... побледневшей, осунувшейся и изможденной. Будто она вместе со мной провела эти дни в темнице. Ее рыжие волосы потускнели, а румянец, прежде горевший на бледных щеках, исчез.

Но когда Мэри увидела меня, она тут же подбежала ко мне и заключила в крепкие объятия. На ее губах тут же появилась улыбка, которая почти придавала ей прежний счастливый вид.

– Кенна! Ты здесь! Боже... что это на твоих руках? Мой брат совсем выжил из ума?! За что он так с тобой?! И почему ты уезжала?! – она чуть ли не душила меня в своих объятиях, но я была этому даже рада.

– Если бы я сама знала ответы на эти вопросы... Мэри, – я покачала головой, прежде чем пройти и вместе с принцессой расположиться на ее кровати.

– У тебя ледяные руки, только не говори, что ты опять была в темнице! – она сжала мои ладони, в надежде согреть их. – Хотя судя по твоему виду, все итак ясно без слов... Хотя есть только одно слово.

– Брэндан, – в унисон пропели мы, поджимая губы.

– Ваши отношения остаются загадкой для меня. Я бы осуждала его... но после того, что произошло, не могу. Я же видела тебя, Кенна... видела, как ты плакала. Как сжимала его в объятиях, когда он лежал на полу и не дышал... Может, ты расскажешь мне наконец, что происходит между вами?! Ты... любишь моего брата?

Любовь. Не хотелось бы порочить это слово, называя связь между мной и Брэнданом именно так. Но когда я пыталась объяснить самой себе свои чувства к нему, на ум приходил только тихий собственный шепот.

Люблю... люблю... люблю... вопреки всему – люблю.

А он ненавидит, мстит, разрушает.

Насильно мил не будешь, но он мог бы хотя бы просто оставить меня в покое и перестать издеваться и насилловать душу. И не только ее...

– Мэри, это все неважно. Это не имеет значения, потому что ты сама видишь, как относится ко мне Брэндан, – я звякнула железными наручниками, опуская взгляд. – Сейчас меня интересует только два вопроса: когда будет свадьба, и как так получилось, что Брэндан вернулся с того света? Ну и конечно миллионы вопросов о тебе и твоём малыше... – последнее предложение вызвало неподдельную радость в глазах Мэридианны.

– Свадьба будет через месяц, возможно, раньше. Как только закончится подготовка к торжеству и к коронации. А Брэндан и его смерть... я знала, знала, что скорее всего он выживет, но это все равно было так страшно, Кенна... смотреть на то, как последний мой родственник падает заживо. Именно так погибли мама и папа... а потом я увидела Брэндана... знаешь, в тот момент я все была готова ему простить. Все. Лишь бы вакцина подействовала верно...

Я прекрасно понимала, о чем она говорит. В дни когда я думала, что Брэндан мертв, я готова была любыми путями вернуть его к себе. Только мне казалось, что это невозможно.

– Вакцина? – только и спросила я, не понимая, о чем говорит девушка.

– Ну да. Вакцина от яда. Еще в детстве нас всех привили, и я всегда знала, что Бас, Брэд и я наделены данным иммунитетом. Королей же постоянно травят – к счастью, в двадцать третьем веке нашли решение этой проблемы. Хотя... вроде доктор Фиц говорил, что есть яды, с которыми наш организм не справится. Но они очень редки... поэтому я очень переживала за Брэндана.

Теперь все встало на свои места. Брэндан был жив, хотела я этого или же боялась... все было неважно, кроме мыслей о том, кто был предателем, который совершил покушение. Да, одним из вариантов была я. Значит Гаспар ничего не знал о вакцине, когда отдал мне в руки яд.

Но я и сама пила эту гадость и только засыпала, после ее действия. Все это было слишком запутанно и странно... я чувствовала, что должна в этом разобраться. Я хотела знать, кто посмел совершить покушение на Брэндана, и хотела, чтобы Брэд понял, что я бы ни за что не причинила ему вред.

До тех пор, пока он не причинит его мне.

– Кенна... ты тут? Не смотри на меня таким стеклянным взглядом... – Мэри сжала мои пальцы, от чего я тут же прервала мыслительный процесс.

– Мэри, ты бледненькая какая-то... ты хорошо себя чувствуешь? Как малыш? Кто-нибудь знает? – засыпала ее вопросами я, глядя на ее живот. Она носила просторную одежду и по-прежнему оставалась стройной, как и прежде.

– Никто не знает. А чувствую я себя просто отвратитель-

но. Не с кем поделиться, не с кем поговорить об этом... у меня даже врача нет. Я на грани... несколько раз порывалась во всем признаться, и будь что будет... но не могу. Я не смогу жить без Даниэля. Этот прекрасный малыш... я не смогу оставить его без отца, – нервно залепетала она, кладя руку на свой живот. – К тому же меня постоянно тошнит, и я едва скрываю это от Лии и Тессы... знаю я этих двоих, они в два счета могут распусть по замку нехорошие слухи. Жду не дождусь, когда Брэндан женится и станет королем. Тогда малыш перестанет быть угрозой для его власти и причиной беспорядков, и тогда я во всем признаюсь...

Слова о свадьбе были для меня сродни лезвию ножа, царапнувшего сердце. Всего на мгновение я представила другую девушку в постели и объятиях Брэндана, как меня тут же затошнило.

Я бы не справилась... не справилась с такой правдой, если бы узнала ее. Часть меня, лелеяла надежду на то, что несмотря на всего издевки, я по-прежнему остаюсь для него единственной, кого он желает.

Хотя бы телом.

– Кенна, прости... я сказала что-то не то? – Мэри тщательно разглядывала мое лицо и мне пришлось натянуть на себя улыбку.

– Нет, все хорошо. Я счастлива, что твой малыш скоро будет в безопасности. Ты должна перестать нервничать и тебе необходим врач... нужно что-то придумать.

– Может ты мне все таки тоже расскажешь? Что происходит? – продолжала давить она, но я все больше уходила в себя.

– Мэри, думай о себе и своем ребенке. То, что происходит, ты и сама видишь. Я в вашем замке, в наручниках, жизнь прекрасна, – с сарказмом заметила я, возводя глаза к небу. – Как бы там ни было, мне нужно срочно принять душ, Даниэль обещал снять с меня эти штуки во время этого.

Мэри понимающе кивнула, придирчиво оглядев мое некогда красивое платье. Теперь оно было запачкано грязью и пропитано сыростью. Затем она слегка поморщила носик, видимо почувствовав этот запах. Я и глазом не успела моргнуть, как она встала с постели и побежала в туалет.

Я задумалась о том, что Брэндана волновала моя предполагаемая беременность. Неужели, если бы это было правдой, это бы изменило его отношение ко мне? Я надеялась, что никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

Потому что я боялась правильного ответа, а он в моей голове был таков: Брэндан бы продолжал манипулировать мной, даже если бы я была беременна двойней.

И это еще раз напомнило о том, в какое чудовище я посмела влюбиться.

* * *

Наручники. Они мешали мне делать все, что раньше так

скрашивало мою жизнь в замке. Я даже не могла нормально читать и перелистывать страницы, не говоря уже о том, что они давили на запястье даже во сне.

Брэндан хотел моей злости. И он ее получит, потому что я уже несколько раз порывалась сбежать из своей золотой клетки и посетить его комнату. Может этого он и добивается?

Но каждый раз у двери меня поджидала охрана, которая сопровождала меня в ванную, туалет и на обед, который я делила вместе с Лией и Тессой. При мне они были сдержаны и молчаливы. С того раза как Брэндан выгнал их из столовой, чтобы расправиться со мной, я ловила на себе их пренебрежительные взгляды.

В муках прошло еще несколько дней, и только мысль о том, что рано или поздно ему придется встретиться со мной с глазу на глаз, успокаивала меня и давала надежду на то, что я все стерплю и все выдержу.

Брэндану придется снять с меня эти железяки, если он хоть еще раз посмеет притронуться ко мне. Я твердо решила, что до тех пор, пока он не начнет меня уважать, он не получит ни капли моего тела.

Я не могла быть уверена в том, что до сих пор нужна ему, но как только вспоминала, как его твердый член вжимался в мои бедра, все становилось на свои места.

Но лучше мне об этом не вспоминать. Все мое тело умоляло о его ласке, о том, чтобы вернуть хотя бы на миг один

из тех вечеров, которые мы проводили вместе.

Я была одержима человеком, который был моей гибелью.

Мое одиночество и скука прервались в один вечер. В дворях я увидела Лукаса – одного из своих охранников, и в руках он держал внушительных размеров коробку.

– Добрый вечер, леди, – он кивнул мне, поставив коробку на тумбочку для цветов. – Я рад сообщить вам, что вы приглашены на прием Его Высочества. Через час я буду ждать вас по ту сторону двери.

Сделав ко мне несколько шагов, он схватил меня за запястья и за миг снял с меня наручники. Мои запястья были украшены красными браслетами боли, которые постоянно напоминали мне о злости и ненависти Брэндана. И тут вдруг... прием?

– Что за прием? – поинтересовалась я, поглаживая свои запястья.

– Этого я не знаю. Сегодня в замке будет много гостей, но прием этот неофициальный. Это все, что я могу сказать. Значит... закрытый, – он слегка нахмурился, будто подумал о чем-то не очень хорошем.

У меня тут же появилось нехорошее предчувствие. Мне немедленно захотелось остаться здесь, пусть даже в наручниках – лишь бы снова не попасться под горячую руку Брэндана.

– Я буду ждать вас ровно час. Собирайтесь, – отдал команду Лукас и его лицо снова приняло типичное для гвардейца выражение лица. Он покинул комнату прежде, чем я

подошла к тяжелой коробке и разместила ее на кровати. Не раздумывая ни секунды, я открыла ее и почувствовала, как сердце замирает в предвкушении опасности.

Красный цвет резал мой взгляд до слез, а пальцы заскользили по нежной ткани моего нового платья. Да только это было не совсем платье... очередная накидка, на подобие той, которая была на мне в ту ночь, когда я «отравила» Брэндана. Только теперь это был красный цвет... цвет страсти, цвет боли и цвет камелии.

Хотелось разорвать эту чертову ткань, потому что, когда я развернула его на кровати, я поняла, насколько оно откровенное. Если бежевый цвет смотрелся на мне невинно и красиво, то в этом облачении я буду как шлюха, выставленная на продажу. Как красная тряпка для любого мужчины, который увидит меня в этом платье.

Лукас сказал, что там будет очень много человек... неужели Брэндан опустил до того, что хочет унижить меня перед всеми? Я не понимала, чего он добивается.

Я судорожно начала кусать губы, раздумывая как мне быть дальше. Откажусь и не приду – он придумает что-нибудь еще хуже. Пойду на прием – и буду предоставлена десяткам пожирающих меня глаз.

Мысль о том, что ему совершенно плевать, что кто-то увидит меня в таком виде, была еще более болезненна, чем использование наручников.

Брэндан разочарован. Он зол. Я стала ему так безразлич-

на, что он больше не оберегает меня, так как это было с Золотозубым и похитителями.

Что, если бы я не добавила этот гребанный яд? Было ли бы все по-другому?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.